

СБОРНИК СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ

ВЫПУСК V

Вологда—1967

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

СБОРНИК СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ

ВЫПУСК V

МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОЙ
ФОЛЬКЛОРНО-ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(10—12 АПРЕЛЯ 1967 ГОДА)

ВОЛОГДА
1967

597087

Утверждено к изданию Редакционно-издательским Советом Вологодского государственного педагогического института и Комитетом по печати при Совете Министров РСФСР.

Редколлегия:

**М. Т. Вавилова, Т. Г. Паникаровская (редактор),
В. К. Пудожгорский.**

ГЕ00483. Сдано в набор 14. 11. 1967 г. Подписано к печати 12. 12. 1967 г.
Формат 60×84/16. Бумажн. л. 3. Печатн. л. 6. Тираж 500. Заказ 60:1.
Цена 40 коп.

Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

Предлагаемый сборник содержит материалы 2-й межвузовской фольклорно-диалектологической научной студенческой конференции, состоявшейся в Вологодском пединституте 10—12 апреля 1967 года, посвященной 50-летию Великого Октября.

С докладами на конференции выступили представители педагогических институтов Вологды, Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми, Новгорода, Пскова, Череповца, Иванова, Омска.

На заседаниях фольклорной секции было прочитано и обсуждено 18 докладов, на заседаниях диалектологической секции — 21 доклад. Часть из них публикуется в настоящем сборнике.

Статьи фольклористов Вологодского пединститута дают представление о современном состоянии фольклорных жанров Тарногского района Вологодской области. Русская народная песня в традиционных и современных формах бытования интересует фольклористов Омска. Научные интересы фольклористов Новгородского пединститута сосредоточены на изучении народного творчества своего края.

Доклады студентов-диалектологов были посвящены характеристике фонетической и грамматической систем говоров, описанию лексики преимущественно северно-русских говоров, а также характеристике изменений, происходящих в говорах в советскую эпоху.

Л. НОВОСЕЛОВА (Омск)

Научный руководитель Т. Г. Леонова

НАРОДНЫЕ СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Брачные обычаи на Руси существовали задолго до введения христианства. Тот народный свадебный обряд, который мы знаем по записям XIX—XX вв., прошел длительный путь развития, сложившись как единый комплекс установленных традицией действий. Но сейчас в сущности старый свадебный обряд не бытует. Разрушение и исчезновение его из бытования — результат серьезных изменений в жизни и мировоззрении народа.

Процесс распада старинного свадебного обряда нашел отражение и в материалах студенческих фольклорных экспедиций Омского пединститута в 1963—66 гг.; нами записано свыше 50 свадебных песен, но, очевидно, неслучайно у нас нет полного описания народной свадьбы.

О постепенном разрушении свадебного обряда говорит и то, что исполнители затруднялись отнести ряд песен к определенному моменту свадьбы, называя их просто свадебными — «Ласточка, ты ласточка», «У голубя голубчика», «Березничек листвоной» и др. Иногда отнесенность этих песен к тому или иному моменту свадебной игры можно определить, исследуя текст песен, который подсказывает, когда именно могла исполняться песня. Так анализ содержания песни «На ком кудряшки, на ком русые» позволяет отнести ее к разряду «величальных», возможно, исполнялась она во время запоя. А песня «Ни стук стучит во тереме» исполнялась, когда отец с матерью благословляли дочь перед отъездом к венцу.

В некоторых же случаях для определения отнесенности песни приходится обращаться к предшествующим нашей записи публикациям песни в разных сборниках (песни «Стешенька, Степанидушка», «Ах, шелкова ленточка», «Ты, черема, черема моя»).

Распад свадебного обряда привел к тому, что песни, первоначально связанные с ним, стали отрываться от него, переходить в группу обычных бытовых, внеобрядовых песен. Так песню «Во тереме, во тереме» исполнительница Агалакова отнесла к свадебным песням, а исполнительницы Вершинина и Карелина — к вечерочным. Возможно, конечно, и отнесение бытовых песен к свадебному обряду.

Сохранение отнесенности песни к свадебным во многом зависит от содержания песни, ее композиции, использованных в ней средств художественной выразительности. Песня, в которой рассказывается о каком-либо моменте свадебной церемонии (например, песня «Коса, моя косынька» связана с расплетением косы невесте при подготовке ее в баню накануне дня венчанья), песня с типично свадебной символикой, с особой лексикой (баяре, тысяцкий, сваха и т. д.) дольше будет осознаваться именно как свадебная. Если же для песни все это не характерно, переход ее на новую бытовую роль (например, исполнение на вечерках) значительно упрощается. Так исполнительница Т. З. Белова из с. Карбызы Муромцевского района отметила, что песню «Черемуха» у них исполняют на вечерках (хороводная).

В ряде сборников песня отнесена к свадебным, исполнительница О. А. Рубцова из д. Чинянино Муромцевского района также отнесла песню к свадебным.

Какие же особенности этой песни позволили ей перейти на другую бытовую роль? Во-первых, содержание песни не связано с самим свадебным обрядом, и, во-вторых, песня отличается отсутствием типично свадебной символики и свадебной лексики. Понятно, что такая песня, даже возникнув как свадебная, раньше всего перестанет осознаваться обрядовой и может перейти на другую бытовую роль.

Песню «Конь по берегу похаживает» большинство исполнителей называет свадебной, но в с. Дурново Муромцевского района, по словам Д. П. Загорской, ее поют на вечерках. Здесь новой роли песни, возможно, способствовал жанр песни — величальная (величали и на вечерках) и концовка ее, близкая к «поцелуйной припевке», которой часто заканчиваются вечерошные песни. По тем же причинам, вероятно, и песню «У голубя голубчика» в Доке Усть-Ишимского района (исп. Карелина и Вершинина) стали петь на вечерках.

Однако хотя мы и отмечаем разрушение свадебного обряда, все-таки закреплённость песен за определенными моментами свадебной игры в основном сохранилась, и это отмечают сами исполнители.

Сравнение наших песен с более ранними публикациями их в других сборниках позволяет сделать важный вывод об общерусском характере записанных в Сибири песен. Только для небольшого количества песен в просмотренных почти сотне сборниках вариантов не обнаружено: это причитания невесты «Подойди, мой родимый батюшка», песня «Ах, кто же это темной ноченьки не доспал» и свадебная скоропешка «Лежал я за мамой на печи».

Сопоставление вариантов дает возможность отметить хорошую сохранность песенных текстов. В отдельных случаях мы наблюдаем почти дословное совпадение наших вариантов с записями 18—19 вв. Так исполненная Агалаковой песня «Стешенька, Степанидушка»... оказалась очень старинной — первые записи этой песни представлены в сборниках конца 18 в. ¹⁾ Но такой долгий срок бытования песни почти не наложил отпечатка на нее — текст сохранился очень хорошо.

В других случаях наш вариант оказывался даже более полным — «Коса, моя косынька», «Не слыхала я-то, младшенька». Варианты всех 3 наших песен («Ласточка, ты ласточка», «Ах, шелкова ленточка к стенке льнет», «Не стук стучит во тереме») менее полные, чем ранее опубликованные, но и они отличаются цельностью и законченностью. И лишь одна наша запись представляет контаминацию двух песенных сюжетов. Это песня «Зеленая роща, алый цвет». Контаминация построена на тематическом родстве песен, и перед нами вполне самостоятельное, сюжетно законченное произведение.

Изучая тексты народных песен, мы приходим к выводу о творческом отношении исполнителей к песням. По-настоящему талантливые народные певцы никогда не заучивают песню слово в слово, для них сюжет — лишь канва, на которой они создают свои, подчас неповторимые узоры.

Почему же так хорошо помнит народ свадебные песни, за что он любит их? Пожалуй, особая памятьливость народа на свадебные песни объясняется во многом не только их связью с важным событием в жизни людей, но и поэтическим их совершенством. Глубокое изучение свадебных песен, записанных у нас, в Омской области, позволяет говорить об

эстетической ценности этих песен; они привлекают подлинной поэтичностью, большой глубиной человеческого чувства, выраженного в них.

Что же создает поэтический колорит свадебных песен? Во-первых, умелое использование средств художественной выразительности, приемов народной песенной поэтики. Но особый поэтический колорит свадебных песен создается также и особой обстановкой, в которой звучит свадебная песня, — это неотъемлемая часть свадебной игры.

Попытаемся на нескольких примерах показать синкретизм народного творчества, в данном случае проявляющийся в единстве драматического, игрового момента и песни, в свою очередь являющей пример изначального неразделимого единства напева и слова.

В данной работе будет идти речь только о словесном содержании песен. Оно даже безотносительно к напеву «настолько значительно, многообразно и прекрасно, что заслуживает пристального самостоятельного изучения, хотя оно и дает неполное представление о существе русской песни»²⁾.

В Сибири, как и в большинстве мест, свадьба начиналась со сватовства: в дом к предполагаемой невесте приходили сваты, садились обязательно под матицей, «чтобы удача была», и делали соответствующее предложение, часто высказываемое в иносказательной форме, но заключали свою речь обязательным: «Мы к вам с добрым делом, со сватаньем». Вечером в случае удачного сватовства жених приводил в дом к невесте отца, мать, родных. Благословляли молодых иконой, зажигали свечи, невеста обращалась к матери с просьбой: «Бословите счастье и злосчастье мое» («сговор» или «дбговор»).

В знак того, что невесту отдают, родители молодых должны вместе пить вино («запой»). В этот же день обычно (записи свадебного обряда сделаны в Москаленском и Муромцевском районах нашей области) происходило и «рукобитье» (родители молодых брали друг друга за руки крест накрест, а «сватушка разбивал их»).

Из всех свадебных песен, записанных у нас, к начальному моменту свадьбы относятся следующие: «Ласточка, ты ласточка», вероятно, исполнявшаяся девушками — подружками невесты, когда жениха и невесту торжественно представляют друг другу; «У голубя голубчика», «Березничек листовой», «У нас ельник редковатый», «На ком кудрюшки, на ком русые».

исполнявшиеся во время «запоя», и причитания невесты «Не подходи, мамонька».

Приготовления к дню венчания продолжались порою до двух недель. В это время готовилось приданое, гуляла, веселилась на вечерках молодежь. И вот наступал канун свадьбы, день девичника — этой «последней вечериночки». В день девичника после обеда родные и подруги провожали невесту в баню. С причитаниями обращалась невеста к матери, к отцу, прося последний раз расплести ее косу девичью, «девью красоту» («Подойди, мой родимый батюшка»). Хор девушек пел, когда невесте расплетали косу, готовя ее «во пар да во банюшку», песню «Коса, моя косынька». Вечером собирались на девичник родня и подруги, прощалась невеста с «красной красотой». К сожалению, у нас нет записей причитаний невесты на девичнике, возможно, на девичнике исполнялась песня «Стешенька, Степанидушка», хотя судя по содержанию, ее могли исполнять и во время свадебного пира.

На следующий день с утра ждали жениха. Когда вездесущие ребята сообщили о приближении свадебного поезда, спешно закрывали ворота, требуя за пропуск угощения. Еще стоя за закрытыми воротами, девушки пели широко известную песню «Что без ветра да без вихоря» («Не слыхала я-то, младешенька»). Девушки, сидевшие за столом, встречали жениха и поезжан величальной «Испола тебе, молод князь»; товарищу жениха пели величальную «На реке, на Смородине».

Когда родители благословляли дочь перед отъездом к венцу, звучала «Не стук стучит во тереме». Девушке-сироте во время благословения пели «Сиротку» («Ой, ты река ли, моя реченька»).

Одновременно с отъездом жениха и невесты к венцу уезжала и «постельная» сваха, увозя приданое в дом жениха.

Провожали сваху песней «Во лузьях ли, во лузьях зеленых». «От венца» новобрачных везли в дом жениха, отец и мать которого встречали их с хлебом-солью и с образами. Песней приветствовали молодых девушки («Что недобрый конь по бережку идет»), и начинался свадебный пир. Звучали величания молодым («Как по садику, по садику») и именитым гостям («Все ли вы, бояры»), пелись веселые «скоропешки» (Лежал я за мамой на печи»).

По окончании пира гости били тарелки и рюмки, а затем молодых отводили в особую горницу.

Что же представляют из себя свадебные песни? Во-первых, нужно отметить, что в понятие «свадебная песня» мы не вкладываем представление об особом, исторически сложившемся жанре. Свадебный цикл всегда рассыпался на песни, принадлежавшие разным жанрам (у нас: величальные песни, причитания, лирические протяжные и лирические частые — плясовые).

Знакомство с более полными, чем у нас, записями свадьбы позволяет говорить о том, что одним из основных жанров свадебного цикла являются причитания. Звучат плачи на сговоре и рукобитье, во время девичника и, наконец, в день свадьбы звучит целая серия собственно свадебных плачей. Но в материалах наших экспедиций лишь записи двух плачей: причитания невесты на сговоре (сватовстве) «Не подходи, мамонька, к печке к белой к каменной» и причитания во время приготовления «парной бани» — «Подойди, мой родимый батюшка».

В наших записях плачи довольно лаконичны. Возможно, в традиции причитаний нашей области краткие несколько прозаические высказывания или также лаконичные лирические наигрыши. Поэтический язык причитаний отличается отработанностью и целеустремленностью средств художественной выразительности. Основное свойство причитаний — большая эмоциональная напряженность — определяет все особенности поэтического языка. Причитания тяготеют к восклицательным интонациям, в них отсутствуют просто высказывания или описания. Наиболее ясно это видно на примере причитания невесты на сговоре. Причитающая просит, восклицает, заклинает, хотя знает, что ничего не изменит своим плачем.

Не подходи, мамонька,
К печке к белой, к каменной!
Не зажигай, мамонька,
Огня ясного!
Не заручай мою буйную головушку!
Не заручай мою русую косынку!

Характерен прием повторения синтаксически и семантически сходных конструкций, представляющих собой восклицания, по сути дела варьирующих одну мысль — просьбу не давать замуж.

Невеста просит мать не зажигать огня ясного (в знак того, что сговор состоялся и невеста просватана во время «ру-

кобетья» зажигались свечи), «не заручать» ее буйную головушку», «не заручать» ее русу косыньку.

«Баенное» причитание, записанное в с. Николаевке Московского района, отличается более спокойным характером — это просьба расплести «крупчату косу», с ней невеста обращается к отцу и матери.

Запись всего двух свадебных причитаний не дает возможности судить более глубоко об их роли на свадебной игре в нашей области. Гораздо шире представлен в записях наших экспедиций жанр свадебных величаний.

Большая часть записанных нами свадебных величаний относится к начальным моментам свадьбы (сватовство, запой), исполнялись величальные песни и в день свадьбы (при встрече молодых от венца, на свадебном пиру). Свадебные величания обращены к различным лицам: к жениху и невесте («Исполта тебе, молод князь», «Что недобрый конь по бережку идет», «Ах, шелковая ленточка к стенке льнет», «Как по садику, по садику»), к свадебным чинам («Через речку рябина лежала» — подружке, «Все ли вы бояры» — тысяцкому), к гостям («У голубя голубчика», «Березничек листовой», «У нас ельник редковатый», «На ком кудрюшки, на ком русые», «На реке, на Смородине»).

Основная задача величальных песен — выразить величавому доброжелательное отношение окружающих. Все художественные особенности песен, вся композиция подчинены этому заданию. Как правило, величальные песни невелики по объему. Композиционные приемы величаний обычно несложны — это песня-портрет, главный художественный прием ее — описание, по существу развития сюжета в ней нет. Какое-то действие описывается обычно лишь в величаниях, относящихся к двум лицам (например, жениху и невесте), эти величания несколько распространены. Величания часто заканчиваются просьбой о вознаграждении за «обвеличивание».

Так величальную «Березничек листовой», обращенную к холостому гостю, хор девушек заканчивает:

Подари, хорошенький,
Подари, пригоженький,
За свой покор,
За девичий приговор.

Но при несложной композиции величания отличаются богатством поэтики. Величальные песни рисуют необычайно

яркие, красочные картины, что достигается путем отбора образов песенной символики, изображающих богатство, счастье, благополучие (символические образы цветущей растительности, сладкой пищи — конфеты, кофе, яблоки, виноград). Красочность в величальных песнях достигается и путем использования других приемов поэтики. Широко известны украшающие эпитеты (перстенечек золотой, золотая голова, карета золотая, кони вороные), гиперболы (тысяцкий с гривны на гривну ступает, рублем ворота отпирает). Часто употребляется прием художественного параллелизма, так в песне «Как по садику, по садику» проводится параллель между двумя «садовыми, медовыми» яблоками, раскатившимися по блюдецку, наливавшимися сладким медом, и молодыми Миколой Васильевичем и Еленой Алексеевной. Использует величальная песня и художественное сравнение («кудряшки по плечам лежат, ровно жар, горят»).

Кроме величальных песен, в свадебном цикле представлены и песни лирические. Песня «Лежал я за мамой на печи» — единственная лирическая частая. Большая часть лирических свадебных песен, записанных у нас, может быть отнесена к протяжным («Ласточка ты, ласточка», «Коса, моя косынька», «Не слыхала я-то, младшенька», «Зеленая роща, алый цвет», «Ой, ты река ли, моя реченька», «Ах, кто ж это темной ноченьки не доспал», «Ты, черема, черема мой»). В основном в этих песнях звучат ноты грусти, обиды и печали: огорчены девушки потерей подружки, рано вышедшей замуж; плачет невеста-сирота; горюет девушка об измене милого друга.

Композиционная структура лирических свадебных песен более сложна, чем у свадебных величальных песен. В лирических песнях существуют не только различные способы построения сюжета, но и разные типы зачинов. Так в песне «Ласточка, ты ласточка» зачин дает художественно-образную параллель (ласточка, рано вылетевшая из теплого гнездышка, — девушка, рано вышедшая замуж), причем эта параллель является единственным основанием, на котором строится песня. Лексико-синтаксический параллелизм как прием зачина использован и в песне «Ой, ты, река ли моя, реченька».

В ряде случаев лирическая свадебная песня начинается эмоциональным восклицанием, при этом обращение, выраженное неодушевленным существительным, является дополнительным средством поэтизации языка («Коса, моя косынька,

русая коса», «Ты, черема, черема моя», «Ой, черемушка, густенький кусток!»). Иногда лирическая свадебная песня представляет собой диалог («Стешенька, Степанидушка») или лирический монолог («Не слыхала я-то, младешенька»).

Для некоторых лирических свадебных песен характерен переход от одного лица к другому: песня, начатая от лица девушки, продолжается посторонним лицом, смотрящим со стороны на происходящее событие («Зеленая роща, алый цвет»).

Говоря о лирических песнях в свадебном цикле, необходимо заметить, что в этих песнях наиболее сильный момент импровизации, эти песни легче всего поддаются варьированию, сюжеты их могут контаминироваться.

Так же, как и в величальных свадебных песнях, в лирических широко используются приемы народной песенной поэтики — художественный параллелизм, художественное сравнение, эпитеты, обращения, метафора. Это необходимые компоненты в лирических песнях для выражения типических черт песенных героев и тех обстоятельств, в которых действовали герои. Кроме того, средства художественной выразительности придают песне красоту, эмоциональность, способствуют ее доходчивости, помогают осваивать смысловое содержание песни.

Как одно из средств выражения чувств в лирической свадебной песне используется одушевление природы. В песнях нередки обращения к птицам («Ласточка, ты ласточка»), к растениям («Ты, черема, черема моя», «Зеленая роща, алый цвет»), к реке («Ты, река ли, моя реченька»), возможны — в зависимости от идейного содержания песни — обращения и к другим неодушевленным предметам (в песне «Коса, моя косынька», выражающей чувства невесты во время расцветания косы, — обращение к русой косе).

Эпитетов в лирической свадебной песне обычно не более пяти. Преобладает эпитет тавтологический («подновляющий нарицательное значение слова, освещающий его потускневшую в сознании внутреннюю форму» (Веселовский)), он является постоянным (ясные соколы, сизый голубь, кудри русые, буйная головушка, быстрая реченька, руса косынька).

Следует заметить, что огромную роль в создании настроения в лирической песне играют ласкательные и уменьшительные существительные (обычно выражающие обращение), они делают песню теплой, лиричной. При помощи их дости-

гается насыщенность песенной речи чувством: мамонька, ко-
сынька, реченька, свахонька, подруженька, гостеньки, вместо
мама, коса и т. д.

Охотно использует лирическая песня и художественный
параллелизм (особенно отрицательный).

Не стук стучит во тереме,
Не гром гремит во високом,
Кипарис к земле клонится,
Дарья богу молится.

То есть по существу в лирической свадебной песне средст-
ва художественной выразительности те же самые, что и в ве-
личаниях, нет отличия и в их назначении.

Вопрос изучения духовных ценностей, созданных народом,
особенно актуален в настоящее время. Изучение обрядовой
поэзии, может быть, даст возможность применить элементы
старинных народных обрядов для создания новых красочных
поэтических обрядов и обычаев.

Примечания:

¹⁾ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 3, Спб,
1897, № 101; П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, веров-
ниях, сказках, легендах и т. п., т. 1, в. 1. Спб., 1898, № 619.

²⁾ В. Я. Пропп. О русской народной лирической песне. — «Народ-
ные лирические песни», Л., 1961, стр. 5.

Ю. РУДЬ (Омск)

Научный руководитель Т. Г. Леонова

ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1941—1945 гг.

(По материалам Омской области)

В основу работы положены материалы фольклорных сту-
денческих экспедиций Омского педагогического института,
проведенных кружком народного творчества в 1951—1966 гг.;
использованы фольклорные публикации местной печати пе-

риода Великой Отечественной войны, архивные материалы Омского высшего военного училища им. М. В. Фрунзе, личные наблюдения автора и его записи песен и воспоминаний участников войны — бойцов 308-й сибирской стрелковой дивизии.

Значительное место в песенном репертуаре омичей в годы Отечественной войны занимали традиционные народные песни. Из них большой популярностью у населения пользовались те, которые были созвучны военной эпохе. Широкое распространение имела, например, песня «Ермак» («Ревела буря») — литературная по происхождению, но полностью фольклоризированная.

Традиционный фольклор в военные годы выполнял важную общественную функцию. В этом нас убеждают, в частности, такие материалы, относящиеся к жизни народного творчества того периода, как воспоминания участников Крутинского народного хора¹⁾. Этот самобытный женский хор был организован в 1932 году в старинном сибирском селе Крутинка Анной Андреевной Мартыновой. В войну основной репертуар его составляли традиционные народные песни. В них воспевалась и родная природа с ее белой березонькой, и сибирское раздолье, и русский молодец.

Народные песни, исполняемые хором, способствовали усилению патриотического подъема, охватившего сибиряков в дни войны. Особое воздействие они оказывали на людей, идущих на фронт. Перед призывниками исполнялись такие песни, как «Я по лугу гуляла», «Засвистали козаченьки», «Ох, ты, Грунюшка, Груняша», «Снежки белые пушистые», «На коне вороном», «А по садику, по садику»²⁾ и другие.

Традиционные народные песни и многие другие, составившие репертуар Крутинского народного хора, воспринимались населением с большой любовью. Участники хора выступали в клубах, строительных бригадах, перед эвакуированными. Выезжали в Омск для обслуживания госпиталей.

Большой популярностью у омичей в минувшую войну пользовалась песня «Черный ворон» (о раненом воине, посылающем прощальный привет родным или товарищам). Собранные нами многочисленные варианты ее, при сохранении сюжета, имеют некоторые различия в звуковом оформлении. Так, например, зачин с известным обращением к ворону, в каждом варианте звучит по-разному. Вот как выглядит начало некоторых текстов:

Эй, ты не вейся ли ты,
Мой черненький ворон.
Ой, да черный ворон
Ой, да над головкою, над моей...³⁾

Ай, да ты не вейся-ка
Ты, мой черный ворон,
Эй, да черный ворон...⁴⁾
Ты не вейся, не вейся, черный ворон⁵⁾
Черный ворон, был я воин...⁶⁾

Звуковой вариантности способствуют, как видим, различные повторы и своеобразное употребление ритмических частей.

Лирическая солдатская «Черный ворон» положена в основу песни «Под ракитю зеленой»⁷⁾, которая сходна с ней по мелодическому складу и характеру поэтических образов. Песня, рассказывающая о смерти бойца в дальнем краю, также была распространена в дни войны среди омичей.

В «Материалах по истории Великой Отечественной войны» под редакцией В. Ю. Крупянской и С. И. Минц указывается, что песня «Под ракитю зеленой» в различных вариантах бытовала в гражданскую войну, а затем и в Отечественную. В эти годы она имела патриотическое звучание: гибель героя интерпретировалась как беззаветное служение Родине. Такое переосмысление традиционного сюжета было обусловлено изменением самой действительности в военное время.

В связи с этим заслуживает внимания факт, что в настоящее время, время мирного труда, чаще встречаются варианты, более близкие к первоначальной старой песне.

Наряду с рассмотренными, в войну бытовали еще такие песни, как «Отец мой был природный пахарь», «Вдоль по линии Урала» (переделка старой солдатской песни «Вдоль по линии Кавказа»), «Последний нынешний денечек», «Засвистали козаченьки» и др. (Украинская песня «Засвистали козаченьки» считается русским населением нашей области своей, народной).

Таким образом, мы видим, что в годы Великой Отечественной войны в песенном репертуаре омичей большое место занимали традиционные народные песни. Многие из них бытовали без особых изменений, отвечая думам и чаяниям советских людей, продолжали выполнять определенную общественно-воспитательную и эстетическую роль. Однако, иногда наблюдалось некоторое изменение традиционного сюжета в

соответствии с новыми условиями действительности (песня «Под ракитой зеленой»).

Другой частью репертуара омичей в военный период являются своеобразные варианты песен времен гражданской войны. Примером может служить песня гражданской войны «Не вейтеся, чайки под морем», которая широко бытовала и в Отечественную войну. Участниками фольклорных экспедиций записано более десяти вариантов этой протяжной русской песни, возникшей, как известно, в советскую эпоху. Поэтическое обращение к чайкам с просьбой лететь в родные места и отнести печальную весть о гибели, роднит рассматриваемую песню с другими лирическими песнями о смерти на поле брани, где умирающий боец передает последние слова через ворона или коня.

Измененный вариант, записанный в с. Новорождественка от А. Д. Дудник (1926 года рождения), по содержанию особенно близок к песне периода борьбы за Советскую власть. В нем упоминается проклятый атаман Семенов, места тогдашних боев — Чита, Даурия⁸).

В условиях военного времени одной из любимейших массовых песен омичей становится песня «По долинам и по взгорьям», хорошо известная в свое время сибирским партизанам. Запечатлевшая суровую патриотическую героиню гражданской войны, она была созвучна и грозным дням войны Отечественной.

Таким образом, наличие в репертуаре омичей традиционных песен и песен времен гражданской войны отражает общий процесс приспособления старых форм к новому содержанию.

Характерной особенностью народных песен периода Отечественной войны является их близость к известным и любимым песням советских поэтов и композиторов. Это объясняется тем, что людям некогда было создавать новую мелодию. Народ вкладывал новые слова, новое содержание в любимую, знакомую песню.

Так возникли, например, многочисленные переделки «Катюши» М. Исаковского. У нас имеются записи двух вариантов. Причем, текст одного, найденного в Муромцевском районе Г. Ф. Одинцовым и Л. Новоселовой в 1966 году, был написан в свое время поэтом-юмористом М. Слободским. Сейчас ссылка на авторство утрачена. Записан ответ на песню «Катюша», сочиненный неизвестным автором и вошедший в

устный репертуар народа (название по первой строке «Ветер дальний чуть колышет травы»).

В годы войны популярной среди омичей была песня на мотив «Синего платочка» Галицкого — «Двадцать второго июня». Один из вариантов записан во время 7-й фольклорной экспедиции в 1966 году.

В 1953 году в селе Крутинка записан сокращенный вариант песни «Жди меня» или «Ты крылатая песня слетай» (слова К. Симонова), исполняемая на мотив «Землянки» (слова А. Суркова).

В разное время участникам экспедиции встречались варианты песни «На опушке леса старый дуб стоит».

Нами собраны также песни неизвестных авторов. По своему поэтическому строю они похожи на песни литературного происхождения, но народ их считает своими, народными. Очевидно, по происхождению и путям распространения это народные песни, но в их поэтике верх одержало литературное начало, что также является свидетельством связи фольклора и литературы. К числу таких относится песня «Вьется, вьется вдаль моя дороженька», «Пишет мне казачка» и др., записанные от А. Д. Дудник.

Жителям села Чеховка Седельниковского района в 1953 году была известна песня «Вечер опустился», в которой девушка встречает танкистов и спрашивает про своего милого:

«Не видали, соколы, моего дружка?
Он такой плечистый, сильный, голосистый
Крепко бьет в сражении врага»⁹).

Записанную в селе Нижняя Омка от Р. Портнягиной в 1953 году песню «Колосилась в поле рожь густая» можно считать народной по лексике, по синтаксическому строю. И в то же время в ней налицо элементы, говорящие о литературном происхождении (перекрестная рифма, характерная для песен Великой Отечественной войны).

Историю происхождения записанного варианта помогла полнее раскрыть работа Т. В. Поповой¹⁰). В ней автор пишет, что в конце 20-х и первой половине 30-х годов получила распространение лирико-драматическая баллада «Колосилась в поле рожь густая» о нападении кулаков на комсомольца-тракториста. Слагатели баллады использовали при этом первую и третью части поэмы И. Молчанова «Огненный тракторист» (о трактористе сибирского села Петре Дья-

кове). Изображению счастливой жизни советской молодежи, олицетворенной в светлых образах созревающих хлебов и в звонких девичьих песнях за околицей в тихий летний вечер, в балладе противопоставлена картина кулацкой расправы с трактористом-комсомольцем.

В записанной нами песне¹¹⁾ рассказывается о том, что работал в поле Вася-тракторист, убирал «густую рожь». Где-то за деревней звенели девичьи голоса.

Не хватило у Васи вдруг бензину.
Поехал Вася в город по бензин.
Не успел он с горочки скатиться,
Немцы оказались перед ним.

Немцы учинили над Васей страшную расправу: облили его бензином и подожгли.

Так уж больше Васю не дождалась
Девушка с далекого села.
Полоса несжатая стояла.
Тракториста Васичку ждала.

Далее следует рефрен: «Колосилась в поле рожь густая» и т. д.

Итак, при всем разнообразии песенного творчества омичей в годы Великой Отечественной войны, в нем можно выделить: традиционные народные песни, своеобразные варианты песен времен гражданской войны (причем возникновение некоторых песен относится к советскому периоду) и песни, близкие к известным произведениям советских поэтов и композиторов.

Все это относится к фольклору тыла. В нашем распоряжении имеется и небольшой материал, характеризующий песенный репертуар омичей на фронте.

Много омичей участвовало в сражениях с врагом. Сибирские полки самоотверженно дрались на фронтах войны. И здесь их сопровождала песня.

Омичка А. С. Данилова (Добросмылова), служившая санитаром в 308-й сибирской стрелковой дивизии под командованием генерала Гуртьева, рассказывает: «С песней мы не расставались. Как выпадет свободная минута, так за песню. Любили и всегда с удовольствием пели песни старинные, такие как «Ревела буря», «Есть на Волге утес».

«По долинам и по взгорьям». Пели на привалах и на марше и когда были в так называемом «втором эшелоне».

Из архива Омского высшего военного училища имени М. В. Фрунзе взята песня Гуртьевской дивизии, 308-й стрелковой. Текст ее сочинил сотрудник дивизионной газеты. Имя автора неизвестно. Песня начинается словами:

Собирались сюда мы недолго,
Под раскаты лихих канонад
И прошли через матушку-Волгу.
На великий рубеж Сталинград.

Припев:

«Баррикады», «Баррикады»,
Зубы враг сломал о вас,
Мы стояли в Сталинграде
На смерть в этот грозный час.

Два месяца сибиряки под командованием генерал-майора Гуртьева стояли на обороне Сталинграда. За бои под Сталинградом дивизия получила благодарность, а полк, в котором служил¹ омичка А. С. Добросмыслова, — звание гвардейского. Бойцы этого полка сложили песню, которую пели на мотив «Гайга золотая». (Песня не зафиксирована² ни в одном из сборников фольклора Великой Отечественной войны).

Собрались мы там, где на Север стремятся
Седые валы Иртыша.
За Родину яростно будем мы драться,
Врага беспощадно кроша.

— поется в песне.

Бывшие фронтовики, бойцы 308 стрелковой дивизии, часто собираются вместе, вспоминают минувшие дни, и ни одна встреча не проходит без исполнения этих песен.

Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении материалах, мы можем сделать вывод, что в настоящее время песни Великой Отечественной войны продолжают бытовать, однако, разумеется, в значительно меньшей степени, чем в военный период.

Примечания:

¹) Запись воспоминаний производилась участниками 2-й фольклорной студенческой экспедиции под рук. В. В. Василенко в 1952 г.

²) Рукописный архив кафедры литературы ОПИ — ЭК — 11. 12/1952. Далее этот архив будет называться сокращенно — РА.

- 3) РА кафедры литературы ОПИ, ЭК-9/1951, № 6/1951, № 137.
 4) РА кафедры лит-ры ОПИ, ЭК-9/1951, № 137.
 5) РА кафедры лит-ры ОПИ, ЭК-3/1951, № 25.
 6) РА кафедры лит-ры, ОПИ, ЭК-3/1963, № 165.
 7) Песня «Под ракитой зеленой» представляет собой вариант популярной солдатской песни XIX в. «Черный ворон». Н. В. Попова. О песне наших дней, изд-во «Знание», М., 1966.
 8) РА кафедры лит-ры ОПИ, ЭК-9/1966, № 40.
 9) РА кафедры лит-ры ОПИ, ЭК-5, 6, 7, 8, 9/1953 г. или ЭК-4/1964, (песня записана на вечорке от сестер Болдышевых).
 10) Т. В. Попова. О песне наших дней. Изд-во «Знание», М., 1966, стр. 36.
 11) РА кафедры лит-ры ОПИ, ЭК-3, 4/1953, № 26.

Л. ГРИДНЕВА (Нижний Тагил)

Научный руководитель А. В. Позднеев

СЮЖЕТЫ ПРЕДАНИЙ О ЕРМАКЕ

Предания о Ермаке относятся к числу героических повествований. Все события в них как бы преломляются в одной замечательной личности, данной в романтически-героическом ореоле. Независимый, сильный и вольнолюбивый герой является бунтарем против классовых врагов народа и защитником угнетенных. В большинстве преданий центральной является мысль об общегосударственном значении подвига Ермака и служении Отечеству. Факты его биографии даны в народных повествованиях как своего рода подготовка к подвигу в борьбе с Кучумовским ханством (с «неверщиной») — в ранних версиях и борьбе с эксплуататорами — в более поздних сюжетах.

Сюжетное ядро преданий сосредоточивает в себе повествование о столкновении Ермака с врагом и результатах столкновения. Идейное единство определило и композиционную особенность, при которой все жизненные ситуации и конфликты прямо или косвенно связываются с показом подвига Ермака, как бы устремляясь к самому главному в поведении героя.

О происхождении Ермака возникали различные версии: донские казаки считают его уроженцем казачьей станицы на

Дону, уральские рабочие связывают его рождение с одним из поселений на реке Чусовой, делая его выходцем из своей среды.

Думается, что на Урале распространилась версия о том, что дед Ермака посадский человек — суздалец, именем Афанасий Григорьевич сын Аленин, жил в большой нужде и перешел во Владимир. Там он воспитал своих сыновей Родиона и Тимофея. За связь с разбойниками был пойман в Муромском лесу, посажен в тюрьму, из которой бежал с семьей в Юрьевец Повольский и вскоре умер. Дети его подались на Чусовую в вотчины Строганова.

У Тимофея родилось трое сыновей, из которых самым сильным и «велеречивым» был Василий (Ермак). Василий ходил у Строгановых на стругах по Каме и Волге, потом набрал дружину и начал разбой.

Характерно, что П. П. Бажов, создавая сказ «Ермаковы бедь» на фольклорном материале Урала, использовал уральскую версию происхождения Ермака, отличавшуюся, однако, от летописной меньшей определенностью. Тимофей Аленин (отец Василия) живет в Чусовском городке давно, а как попал туда — неизвестно. Этому же мнения об уральском происхождении Ермака придерживаются и историки-краеведы второй половины XIX в. Небольсин и Дмитриев.

Современные предания также противоречивы в определении происхождения Ермака: «Ермак Тимофеевич родом из чусовских казаков», «казак, атаман с Волги», ...«разбойник был, с Камы шел сюда...», «жил с разбойниками в пещере на Чусовой, когда ему было двенадцать лет, кашеварил у них, набирался ума-разума...¹⁾).

Но как бы ни были разноречивы эти сведения, цель их одна — показать выносливость, предприимчивость, смелость Ермака, которые вырабатывались в «разбойничий» период его жизни. Помимо прочего, разбойничество в фольклоре является зачастую выражением вольнолюбия героя, поэтому в преданиях о Ермаке впоследствии особо подчеркивался именно этот мотив. Неизбежны в таком случае оговорки, что Ермак грабил только богатых, шел за рабочих и команда у него была из рабочих.

Основное содержание произведений о Ермаке составляют его подвиги и героическая смерть.

Современные предания дают схематичное изображение подвигов Ермака и его товарищей, ограничиваясь их пере-

числением. Чтобы восстановить отчасти содержание старых повествований, мы обратились к летописям.

Из всех имеющихся в нашем распоряжении летописей наиболее фольклорной представляется Ремезовская. В ее основу легли многочисленные русские предания и легенды, а также татарские, калмыцкие и эпические повествования других народов. Правда, отделить литературный материал от фольклорного в летописи не так просто, но нам на помощь приходят различные свидетельства. Прежде всего, это свидетельство самого Ремезова, черпавшего сведения в преданиях²⁾. Из них наиболее интересны предания о смерти и о чудесах над могилой Ермака. Эти предания, принесенные в семью Ульяном Ремезовым, были услышаны им от Аблая-тайши (калмыцкого князя). Помимо семейных преданий, по свидетельству Ремезова, в основу летописи легли собранные им сведения от старожилов (русских и нерусских).

Показания Ремезова подтверждаются другими данными. Составитель Сибирской библиографии В. И. Межов³⁾ ссылается на татарские предания, связанные с именем Ермака. На предания о панцирях Ермака ссылается и Г. Спасский⁴⁾.

Что можно сказать о содержании произведений, рисующих подвиги Ермака и рассказывающих о его гибели?

Сюжеты, перечисленные выше, сохранились в виде отдельных мотивов и по сей день.

Борьба Ермака за присоединение Сибири, осмысленная как подвиг во имя государственности, изображалась иногда народом как борьба христианства против «неверщины». В одном из преданий реки Чусовой мы читаем: «Здесь тоже была неверщина. Ермак-то ее выгнал, просвещал реку...⁵⁾».

Здесь слились воедино и представления о присоединении народов Сибири и о последовавшем за этим приобщении некоторых народностей к христианской религии. В Ремезовской летописи по этому поводу имеется символическое предание о единоборстве маленького черного зверя с большим белым, об убийстве большого маленьким и об оживлении большого зверя через три дня. («Ермак бусурманство, яко большого зверя, и 3 день мертвой оживя, то по времени паки возмут Сибирь бусурманы в владение не надолго»⁶⁾).

Развернутый вариант предания о борьбе Ермака с «неверщиной» имеется в книге Вас. И. Немировича-Данченко «Кама и Урал»⁷⁾. В нем Ермак выступает в героическом ореоле: наделенный нечеловеческой силой, он один побеж-

дает волшебного чудского царя. В сказочном ореоле выступает Ермак и в другом предании, в котором богатырь приносит в жертву реке царевну Алмаз и призывает на помощь разбушевавшуюся стихию. Река поглощает царские войска, выручив из беды обессиленного героя.

Сюжеты этих повествований основаны на традиционно-постоянном в героических преданиях столкновении героя с врагом, но постоянное композиционное ядро вплетено в поэтическую ткань сказочно-фантастического фольклора. Красочный облик героя, созданный соединением сказочных атрибутов, вымыслом и фантастическими сюжетными переплетениями как бы подчеркивает незаурядность деятельности Ермака,

В современных произведениях чрезвычайно заострена социальная направленность образов. Вероятно, на образ Ермака оказали немалое влияние циклы разинского и пугачевского фольклора. По аналогии с большинством повествований о Разине и Пугачеве повествования о Ермаке рисуют бунтарский дух его, подчеркивают антифеодальный и даже антикапиталистический характер его деятельности. «Бедного человека он не трогал, богатых грабил. Начнет кто народ прижимать, так он его и прижмет. Защищал народ», — рассказывает предание⁸).

В другом утверждается также, что он «на Волге богатых грабил, бедных людей, рабочих он не шевелил, он шел за рабочий класс»⁹). Это произведение возникло в рабочей среде, ибо даже дружина у Ермака «была из рабочих собрана», (рабочие бежали от жестокости заводчиков к Ермаку, а потом расправлялись с богатеями). Обирал Ермак со своей командой барки богатых купцов, а у него «несколько сот рабочих, команда его была»...¹⁰). Как видим, Ермак здесь выступает руководителем рабочих людей, борющихся с заводчиками и помещиками.

Цель действий Ермака, таким образом, в ряде случаев объясняется его заступничеством за народ, желанием расправы с угнетателями рабочих и крестьян.

Ранние произведения, как показали наблюдения, не изображают Ермака народным заступником. Они ближе к исторической правде. Иные сохранили свою документальность и донесли: Вот один из рассказов, записанных в с. Чусовом от В. А. Авдеева.

«Ермак поднимался по реке Серебряной. Свои челна по ей подымал, потом перетаскивал их дале. Он переходил в Сибирь, в ту сторону — на Нижний Тагил. Его ведь там снабдили Строгановы. Они его снабдили оружием на первых порах...»¹¹⁾.

Это остатки старых рассказов, которые в свое время слышал и В. И. Немирович-Данченко, и о которых он повествует в своих очерках¹²⁾. Рассказы восходят к преданиям летописи, где мы читаем, что Ермак и его товарищи оставили суда на Серебрянке: «...и те старые (суды), где они лежат, сквозь их дна дерева проросли».

Большинство рассказов изображает продвижение Ермака. Из истории Урала известно, что Ермак 1 сентября 1581 г. со своим войском около 1700 человек отправился из Нижнего Чусовского городка по реке Чусовой к реке Тагил. В устье речки Кокуй, впадающей в Серебрянку (приток Чусовой), ермаковцы остановились на зиму, а весной дошли до реки Тагил и здесь строили новые струги, и это место известно под именем Ермакова городища, находящегося в 12 км от Нижнего Тагила.

Значение борьбы Ермака с Сибирским ханством и присоединение его к Русскому государству, а также перспективы этих событий не могли не волновать народные массы. Все понимали трудности, с которыми пришлось столкнуться героям. Существует масса произведений о пути ермаковцев.

В XVIII веке (в 1761 г.) Икосовым были собраны предания о пребывании Ермака на реке Сылве¹³⁾. В них довольно точно отражен путь Ермаковых войск и трудности их продвижения в связи с наступлением заморозков.

По свидетельству Ремезова, Ермак пытался пробраться к реке Тагил рекой Межевою Уткою, но вынужден был возвратиться по причине несудоходности реки. Остановившись на зимовку на Кокуе, казаки ходили в окрестные села к вогулам в поисках пищи, но были разбиты татарами и вогулами у реки Нейвы каким-то Мурзою¹⁴⁾.

Вероятно, подобные столкновения не были единичными. Недалеко от деревни Новожилово на реке Тагил имеется утес с надписями, который служил местом для караула местных жителей, подстерегавших Ермака и казаков. Жители перегородили реку Тагил цепью, чтобы остановить героя с отважною его дружиною; но Ермак военной хитростью избегнул

поражения, разогнал неприятеля и напором судов разорвал цепь¹⁵).

Трудности зимовки, борьбы с врагами, поражения и победы героизируют покорителя Сибири. Он хитрый разведчик (в преданиях, приведенных выше, и в ряде других он неоднократно ходит вверх и вниз по рекам, испытывая путь) и победитель (боролся с «неверщиной», классовыми врагами). Когда «татары стрел настроили, а стрелы оковали железом..., он взял ржаные снопы, на барки наставил, одел их в солдатскую одежду и стал отпускать по реке... Когда снопы-то поплыли, татары и давай стрелять по ним. Когда все лука-то выстрелили, им и стрелять нечем было. Вот Ермак всех тут и забрал»¹⁶). Этот сюжет очень популярен в народе. У Садовникова, например, рассказывается о том, что Ермак повелел казакам набрать хворосту, навязать пучки и одеть в казацкие кафтаны...¹⁷).

Нет счета победам Ермака, но самая выдающаяся заслуга его — покорение Кучумского ханства во главе с грозным и коварным ханом. Из отрывков произведений, дошедших до нас, мы узнаем о том значении, какое издавна народ придавал подвигу Ермака. В оценке данного факта нет разногласий ни в уральском, ни в сибирском фольклоре. Союз со Строгановым, служба царю воспринимаются как услуга народу русскому и государству. Не случайна концовка сказа «Как Ермак Сибирь воевал»: «Не дороги подарки (царские—Л. Г.)... а дорога милость Руси»¹⁸).

Трудно переоценить значение деятельности Ермака и, как видно, народ не столько понял, сколько почувствовал это. Народ уловил происходящие в государстве перемены, не понимая закономерностей исторического процесса, стихийно отразил их.

Несмотря на гибель Ермака в 1585 г. и несмотря на то, что русские временно оставили Сибирь, разгромив кучумовские войска, началась новая эпоха в жизни Русского государства — присоединение богатейшего края.

Много преданий рассказывает о смерти Ермака. Большинство из них связывает гибель Ермака с кольчугой (двенадцатипудовой, броневой), которую подарил Ермаку царь. Этот мотив появился еще в летописи.

Мотив смерти от панциря, часто встречающийся в повествованиях о Ермаке, восходит к татарским преданиям.

Содержание предания о гибели Ермака, рассказанное Аблаем, следующее: татарский разведчик, посланный Кучумом, узнал, что казацкий лагерь уснул. Тогда Кучум, пользуясь темнотой и непогодой, напал на спящий лагерь. Ермак, увидев убитых татарами казаков, бросился в струг, но не смог допрыгнуть до него, так как был в двух тяжелых царских панцирях.

Замечателен портрет Ермака и характеристика его рассказчиком. Это человек, в котором сочетаются и мужество, и мудрость, и человечность. По-видимому, портрет Ермака был немаловажной принадлежностью преданий о его деятельности. Писатель П. М. Мельников-Печерский обратил внимание на то, что в первой половине XIX в. на Урале и в Сибири были широко распространены портреты Ермака, написанные неизвестными мастерами. Надо полагать, что они были написаны в соответствии с известными представлениями о внешности героя.

Имевший огромный военный опыт и применявший его на практике, Ермак погиб в силу нелепой случайности. Такое изображение героя не противоречит целостному циклу повествований о нем. Разбойничество Ермака — проявление его вольнолюбия. Атаманом он становится в силу своего бесстрашия и ума. Первый этап его деятельности осмыслен как необходимая закалка и подготовка к будущим подвигам.

Все детали похода в Сибирь выдержаны в духе идеальной характеристики Ермака. Маленький отряд казаков отправляется в неведомое Сибирское царство, располагавшее огромными военными силами. Здесь мало было одного героизма, необходимо было умелое организаторское воздействие на казаков, попавших в трудные условия тяжелых зимовок, голода и лишений в суровом крае. Строгая дисциплина в отрядах Ермака, отмеченная Ремезовской летописью, была также залогом успехов ермаковцев. Его посольство к царю и от царя в Сибирь — свидетельство понимания народом общегосударственного значения деятельности Ермака.

Таков идейный смысл образа героя. Его личность вырисовывается в идеальном сочетании внутренних и внешних качеств. Облик народного героя создает П. П. Бажов в сказе «Ермаковы лебеди». Сказ П. П. Бажова, в поэтической форме воспевающий богатыря, выходца из народа и его любимца, дающий образ Ермака (Василия Аленина) в общественном и личном планах, по-своему использующий народную

символику (лебедь — символ благородства и мужества, пара лебедей — символ нерушимой любви: погибает один и другой умирает), вместе с тем очень близок народному духу, народным воззрениям на жизнь. В традиционно народном понимании выдержана характеристика народного любимца, его незаурядность и умение «знать лучше всех дороги», видеть больше других (вспомним названные выше сказы о Ермаке-разведчике, его отношения с Грозным и с народом).

Примечания:

1) Предание реки Чусовой, сост. и автор статей В. П. Кругляшова. Уч. зап., выпуск I (фольклорный), Свердловск, 1961, стр. 39—40.

2) Семья Ремезовых — старинная служивая боярская семья в Тобольске. Первым появился в Сибири Ремезов, сосланный в Сибирь в царствование Михаила Федоровича. С тех пор в течение почти целого века представители этой семьи возглавляли важные административные должности в Сибири (зачастую они возглавляли и военные экспедиции и посольства к туземным властям). Так Ульян Моисеев Ремезов, сосланный в Березов в 1670 г., был участником посольства к Аblaу-тайше (Сибирские летописи, СПб, 1907, ст. 115, стр. 347).

3) Сибирская библиография, составил В. И. Межов, СПб, 1892.

4) Список с чертежа Сибирской земли, заимствованный из рукописного сборника XVII века и объясненный примечаниями Г. Н. Спасского, М., 1849.

5) В. П. Кругляшова. Указ. соч., стр. 41.

6) Сибирские летописи, СПб, 1907, стр. 328.

7) В. И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, ч. II, СПб, 1903. изд. 2-е, стр. 266—267.

8) Предания реки Чусовой, сост. и автор статей В. П. Кругляшова. Ученые записки, выпуск I (фольклорный). Свердловск, 1961, стр. 40.

9) Там же, стр. 40.

10) Там же, стр. 40.

11) Там же, стр. 42.

12) В. И. Немирович-Данченко. Кама и Урал, ч. II, изд. 2-е, СПб, 1903, стр. 426.

13) Предания передаются в изложении А. А. Дмитриева в статье «К истории сибирского вопроса», Пермский край, т. III, СПб, 1895, стр. 75.

14) Сибирские летописи, СПб, 1907, стр. 316—320.

15) А. А. Дмитриев. «К истории сибирского вопроса», «Пермский край», т. III, СПб, 1895, стр. 77—78.

16) Предания реки Чусовой, сост. и автор статей В. П. Кругляшова., Ученые записки, выпуск 18. (фольклорный), Свердловск, 1961, стр. 43—44.

17) Садовников. Наши землепроходцы, М., 1874, стр. 18.

18) Л. Е. Элиасов. Русский фольклор вост. Сибири, Улан-Удэ, 1960, ч. II, стр. 438.

А. ВАСИЛЬЕВ (Новгород)

Научный руководитель В. В. Митрофанова

ЭПИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ПРЕДАНИЯ О ДИВИН -ОЗЕРЕ

Предание о Дивин-озере бытует в ряде деревень Демянского района Новгородской области. Участниками фольклорных экспедиций Новгородского пединститута варианты предания были записаны в деревне Аннино, Михалево, Тоболка, Залесье, Ладомири и др. Первые записи предания о Дивин-озере относятся к 1963 году¹⁾. Наиболее полное и богатое содержание представляет запись от А. В. Илларионова (деда Варивона)²⁾.

Сюжет предания ясен не во всех деталях. Герои его — Дивинушка, дочь помещика, и юноша-богатырь, проживающий в Новом городе. Дивина растет, хорошеет. Родители уже думают о замужестве дочери. Но Дивинушка просит отца с матерью не выдавать ее замуж, а оставить жить в родительском доме. С этого момента в предании начинается вторая сюжетная линия — история юноши-богатыря. Он бежит из родительского дома, где тесно его мечтам, где не понимают его, и поселяется на острове Дивин-озера.

Завязкой дальнейших событий служит вещий сон, приснившийся Дивинушке. Начинаются ее сказочные путешествия к юноше-богатырю. Во время одного из них она вырвала на дно озера золотые отцовские ключи, потеря которых расценивается как утрата чести рода. Родители девушки покидают имение. Проходит много лет. Юноша-богатырь умер, его труп опускают на дно озера, вслед за ним бросается в озеро и Дивина. Только теперь нет преграды для любви.

В октябре 1966 года от А. А. Афиногеновой была сделана запись предания о Дивин-озере, отличающаяся от всех предыдущих ритмическим строем, близким былинному³⁾.

В изложении Афиногеновой есть эпизоды, прямо перекликающиеся с былинами, а образ юноши-богатыря чем-то похож на удалого Василия Буслаева. Он тоже выходец из богатой новгородской семьи, у него есть дружина. Но если былина о Василии Буслаевиче дает некоторое представление о социальном составе его дружины⁴⁾, то рассказ о Дивин-озере указывает только на возраст ее членов: «зелено-молодо». Но и эта дружина борется против новгородской аристокра-

тии. В былине на помощь новгородцам приходит мать Василия, а в рассказе про Дивин-озеро на помощь новгородским боярам приходит «царь московский со своею армией со тысячной». И погибает юноша-богатырь со своей дружинишкой хороброю. Видимо, сказительница была знакома с былинной о Василии Буслаевиче. Известны были ей и другие былинны герои. В рассказе упоминаются Илья Муромец и Добрыня Никитич.

Им надо б силушки подзанимать
У того славного Ильи Муромца,
Им надо б уму-разуму поучиться
Да у дородня добра молодца Микитича.

Характерно для былинного эпоса и начало повествования:

Да во той ли во губернии Новгородской,
Да во том ли уезде во Демьянским....

Хотя рифма как система в целом не свойственна эпосу, в ряде случаев исполнители охотно ею пользуются. Для Афиногеновой характерно употребление как мужских, так и женских рифм. Часто встречаются консонансы (совпадение нескольких согласных) и ассонансы (совпадение гласных) как в чистом виде, так и в смешанном.

Расставлял тут столики-то он дубовые,
Расстилал он скатерти-то браные...

Или:

Не бела заря занималася...

Произведение Афиногеновой насыщено многочисленными повторами, что характерно для русского фольклора вообще, а для былин особенно. Очень умело использует сказительница сравнения, любит эпитеты:

Личико у Дивины снегу белого,
Очи ясные что под цвет тех звезд,
Брови у нее да соболиные,
А походочка ее да лебединая.

Интересна роль видимых образов времени и отрицательных сравнений. С их появлением в тексте явно ощущается смена событий. Они служат своего рода смысловыми опорами, разделяющими повествование на части и в то же время сближающими его с былинами:

День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растет,
А год за годом — как река бежит.

Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталося,
Вырастала тут что красная дочь,
Что красная дочь да Дивинушка...

...День за днем — будто дождь дождит,
Неделя за неделей — как трава растет,
А год за годом — как река бежит.
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталося,
У Дивинушки во чреве уж младенец есть,
Такого молодца в околотке нет....

Умело вплетает сказительница в повествование типические формулы (*loci communes*) русских былин. Например, описание младенца: «по колен ножки в серебре, по локоть руки-то в золоте», или традиционное описание борьбы: «куда махнет — тут улочка, перемахнет — переулочек».

Знакомство с былинным эпосом чувствуется и в диалогах, в организации прямой речи, которая обычно предваряется такими оборотами, как «воспроговорил», «вопросилася у отца, матери», «говорит тут молодец таковы слова». Такие формулы хорошо усваиваются сказителями и придают течению рассказа некоторую замедленность и плавность. Речь ведется медленно и обстоятельно, значительно и величаво. Этому способствует и повторение предлогов, свойственное и былинам, и повествованию Афиногеновой:

Как во том ли во поместьице — селеньице.
Что у богатого владельца у помещика...

Будучи близко эпическим жанрам, произведение Афиногеновой вместе с тем лирически окрашено. Отношение исполнителя к изображаемому выражается не только в прямых характеристиках, но и в подборе отдельных слов и грамматических форм, которые носят экспрессивный характер. Так, чувства любви и одобрения, восхищения и т. д. выражаются путем применения уменьшительно-ласкательных форм (Дивинушка, батюшка, озерышко, строеньице, голосок и т. д.). Чувства ненависти, отвращения, осуждения, передаются с помощью тавтологии и уничижительных форм: зла-презлая мать, слуги-холопины, злые людищи-поганищи и т. д.

Афиногенова несколько перестроила композицию и сюжетные акценты предания. Многие эпизоды предания переставлены во времени. Так в прозаических преданиях других исполнителей говорится, что мать достигла своего сына уже на острове, когда тот покинул свой дом в поисках воли⁵). Афиногенова эпизод расправы матери над сыном переносит на начало повествования и дополняет его, хотя и таинственным, но вполне логически обоснованным эпизодом освобождения героя его друзьями-товарищами: «Помогла бежать дружинишка хоробрая».

В прозаических преданиях много места отводится любовным похождениям Дивинушки, ее сказочным путешествиям на остров к юноше-богатырю, таинственному рождению у нее сына. Создание же Афиногеновой концентрирует свое внимание не на авантюрно-любовной теме, а на образах главных героев. Сказительница пытается дать им развернутые характеристики, подчеркнуть их значимость. Любовная история девушки предстает перед нами вне всяких таинственных явлений, за исключением вешего сна. Если в прозаическом варианте предания путешествия на остров кажутся нам сказочными, совершающимися по силе какого-то волшебства (вырастают паруса у лодки, сразу же ветер попутный задует, и по времени путешествие длится одну минуту), то в эпическом варианте все происходит вполне естественно и реально:

Подходила ко лодочке тессвоей,
Отмыкала замочки золотым ключом,
Подымала тонки парусы полотнянные.
Побежала лодка по Дивин-озеру,
Ко тому островочку—ко заветному.

Дивинушка — обыкновенная русская девушка (не колдунья и не иноверка). Браку любящих ничто не может препятствовать. Полюбив юношу-богатыря во сне, Дивина не скрывает своего чувства. Забыв о всяких условностях и приличиях, она выкрадывает у отца ключи и сама едет на тот заветный островок, где от властей и матери скрывается юноша.

Все симпатии сказительницы на стороне Дивинушки.

Кому счастье, кому счастьеце,
Так и нашей вот Дивинушке.

Этими словами подчеркнута близость Дивинушки к народу, которому понятны и близки ее страдания. Сказительница называет ее «нашей», т. е. давно знакомой, близкой и родной. Родившаяся в богатой семье, она ради настоящей любви готова вынести любые испытания. И даже после смерти она остается с людьми, помогает им в трудную минуту.

А Дивинушка-то продолжает жить,
Что на дне-то на озерским.
Людам с добрым сердцем своим пеннем
Путь-дороженьку во мхах показывает,
А злым людищам-поганищам от нее пощады нет.

Эти слова почти совпадают с концовкой прозаического предания и перекликаются со вступительными словами сказителя А. В. Илларионова, что много фашистов поконится на дне топей и трясин по велению Дивинушки, а советские люди часто находили приют на Дивинском болоте, куда немцы боялись ходить⁶⁾.

Рассмотренное произведение — единственное в своем роде. В нем общеизвестен только сюжет. Ни одна из записей предания о Дивин-озере не имеет сколько-нибудь подобной близости к былинам, как произведение Афиногеновой. Но и былиной его назвать трудно, в нем чувствуется только сильное влияние былевого эпоса. Это предание, распетое в былинной манере. Исполненное Афиногеновой произведение не получило и широкого распространения. Несмотря на его явное художественное превосходство над всеми записями предания, оно осталось индивидуальным творчеством Александры Афиногеновой, талантливой женщины, владеющей традиционными фольклорными приемами.

Примечания:

1) Рукописный архив автора. Новгородская область, Демянский район, дер. Аннино, Михалево, 1963.

2) Рукопись хранится в рукописном отделе Института русской литературы АН СССР в Ленинграде (Р V, колл. 241).

3) Записано от А. А. Афиногеновой в дер. Михалево Демянского района Новгородской обл.

4) См. вступительный очерк В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова к новгородским былинам в кн. «Былины», т. I, М., 1958, стр. 333.

5) В предании «воля» выступает в символическом образе «песни-птицы» и «лебедь-птицы».

6) В настоящее время это большое болото, возникшее на месте озера. Сказители объясняют это проклятием отца Дивины.

М. Б. ЕДЕМСКИЙ — ФОЛЬКЛОРИСТ

Михаил Борисович Едемский — профессор, крупный ученый, фольклорист, этнограф и геолог, имя которого, на наш взгляд, незаслуженно забыто. Жизнь Едемского — пример того, каким нелегким и полным случайностей был путь человека в науку до революции.

Родился М. Б. Едемский в 1870 г. в деревне Рыкаловская (по-народному, Угольная) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии (по современному административному делению — Нижне-Спасского сельсовета Тарногского района Вологодской области). Семья Едемских была большая: кроме отца и матери, шестеро детей. Отец Борис Иванович Едемский был крестьянин-середняк.

Будущий ученый был самым смышленным в семье, и потому отец отпустил его учиться. Едемский окончил начальное сельское, а затем уездное училище. С 13 лет он занимался репетиторством, обучал после уроков неуспевающих сынков богачей. Это определило его дальнейший жизненный путь. Он поступил в Тотемскую учительскую семинарию. Затем около 5 лет работал учителем.

В это время Едемский начинает записывать народные рассказы о прошлом, наблюдает за бытом крестьян. Появляется его первая публикация «Из кокшеньгских преданий», а затем ряд других работ.

Печатная работа «Говор жителей Кокшеньги» (1892) и другие работы М. Б. Едемского обращают на себя внимание академика А. А. Шахматова и этнографа-фольклориста Иванникова. Ряд материалов Едемского был использован в «Словаре русского языка» Академии наук (1895).

Мечта о большой науке приводит М. Б. Едемского в Петербург, в учительский институт. По окончании института Едемский работает в уездных училищах Псковской и Петербургской губерний. В 1903 г. он переезжает на работу в столицу и поступает в качестве «стороннего слушателя» на естественное отделение физико-математического факультета университета.

Наряду с работой в школе и учебой М. Б. Едемский много энергии отдает культурно-просветительной деятельности

среди рабочих Питера, организует для них школы грамоты, читает бесплатные публичные лекции. В бурном 1905 г. ему удается добиться совместного обучения мужчин и женщин на Василеостровских курсах взрослых.

В 1912 г. 42-летний студент М. Б. Едемский был удостоен диплома первой степени по группе геологии и минералогии естественно-исторического отделения физико-математического факультета.

М. Б. Едемский не забывал родных мест и ежегодно приезжал в свой край. Вот что рассказали нам о своем земляке очевидцы: «Хороший был человек. Когда приезжал он домой, а это было обычно летом, всегда привозил полные ящики конфет, пряников и раздавал их детям. Ребятишки любили его. Часто собирали с ним камни на полях. Он отбирал нужные и увозил в Петербург, а остальными закладывал вместе с ребятами ямы на дорогах. А еще он много записывал песен, частушек, свадьбу записал. Люди шли к нему очень охотно. Другой раз до света сидят с ним». Это в Тарноге стало уже своего рода легендой.

Простым и скромным человеком, любившим русский Север и милую ему Кокшеньгу, помнят М. Б. Едемского его земляки.

Результатом этих летних поездок явились научные публикации фольклорного характера: «Говор жителей Кокшеньги» (1903), «Вечерованья, городки и песни в Кокшеньге» (1905), «Кокшеньгская старина» (1906), «Загадки в Кокшеньге» (1906), «Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде» (1905—1908), «Припевки в Кокшеньге» (1909) и др.

Русское географическое общество избирает М. Б. Едемского действительным членом (1913 г.) и награждает серебряной и золотой медалью за научные труды.

Научная деятельность М. Б. Едемского достигла подлинного расцвета после Великой Октябрьской социалистической революции. Оставив работу в школе, которой он отдал 30 лет своей жизни, он целиком уходит в научную работу в системе Академии наук СССР.

В 1922 г. ему присваивают звание профессора. М. Б. Едемский активно участвует в экспедициях по обследованию бассейна рек Свирь, Северная Двина, Мезень, Печора, полуострова Канина, побережья Чешской губы и, конечно, родного ему Тотемского уезда.

В 1933 г. профессор побывал в своей последней экспедиции на Печоре, разыскивая известный теперь Печорский каменноугольный бассейн,

М. Б. Едемский явился одним из основателей Ленинградского общества краеведения, был избран почетным членом Тотемского общества изучения местного края, пожизненным членом Вологодского общества краеведения, Ленинградского общества естествоиспытателей, Русского минералогического общества, Русского палеонтологического общества. При жизни ученый опубликовал около 70 научно-исследовательских работ. Многие из них переведены на иностранные языки.

На основе архивных материалов, статей, вступлений к изданным им текстам можно определить фольклорные взгляды Едемского. Едемский принадлежит к той школе фольклористов, которые изучали фольклор в тесном единстве с этнографией, поэтому все выводы Едемского о жизни того или иного жанра даются им в плане объяснения изменения этого жанра в связи с изменением конкретных жизненных условий.

Едемский обстоятельно изучал все фольклорные жанры, хотя предпочтение отдавал сказке. Нам известно, что в 1918 г. он подготовил к печати сборник сказок Вологодской губернии. В этом сборнике должна была быть помещена статья «Сказка в обряде». Но следов этого сборника мы пока не нашли.

В 1925 г. М. Б. Едемский делает вывод, что интерес к сказке в 20—30 годах в народной среде заметно идет на убыль и что сказка, «еще недавно так тепло и приветливо прозвучавшая и на школьной кафедре, и в собраниях научных и литературных кругов, и на театральных подмостках, как будто стала затихать и даже замирать»¹).

М. Б. Едемский на первое место выдвигал задачу сохранения старинной традиционной сказки. Руководствуясь убеждением о необходимости поисков остатков произведений старого народного творчества, он всюду пытался обратить внимание на бытование старинной народной сказки и с этой целью старался прежде всего разыскивать старых сказочников.

Состояние сказочного и всякого другого народного творчества определяется лишь внимательным изучением его на местах, в самой гуще народной жизни, чем и занимался Едемский. Те факты, какие накопились у него в результате наблюдений, подтверждают выводы, сделанные ученым.

Едемский намечает 2 типа бытования сказки. С одной стороны — это бережное отношение к ней и хранение ее. С другой стороны — бесцеремонное отношение, кончающееся переделкой и извращением старинной народной сказки. Сказочников Едемский также подразделяет на две категории. Первая категория — заправские талантливые и плодovitые сказочники. Вторая категория — сказочники, которые способствуют переделке и извращению народной сказки. Едемский отмечает, что в двадцатых годах число сказочников первой категории становится все меньше, а второй — больше²⁾: О лучших сказочниках часто сохранились лишь предания: они сошли в могилу»³⁾.

Едемский высказывает опасение за бытование сказки вообще, т. к. на Руси уже наблюдались такие места, где сказок не рассказывали, где они вовсе умерли или совершенно не в ходу. Хотя Едемский записал более 200 сказок, но он бьет тревогу и считает, что дни сказки сочтены, а потому обращается со страстным призывом к фольклористам. «Все, кому дорога старинная народная сказка, в особенности же люди науки, должны напрочь все свои усилия на то, чтобы не теряя времени собрать и сохранить те драгоценные жемчужины народного творчества, какие в настоящую пору то там, то сям еще в народе имеются»⁴⁾.

Любопытно предположение Едемского о дальнейшей жизни сказки. «Сказка в народе, вообще говоря, никогда, быть может, не умрет, но в каком виде она будет жить, какие формы примет — нам только приходится об этом гадать, — писал Едемский, — формы эти будут другие и сказка будет далеко не та, что была, потому и цена ее и значение тоже будут другие»⁵⁾. Таковы взгляды Едемского на бытование русской старинной народной сказки.

Едемский допускал ошибку, интересуясь только старинными сказками. Поэтому-то он не оставил никаких выводов о повсеместном бытовании сказки.

Интересные наблюдения оставил Едемский над бытованием и формой свадебного обряда. Взгляд на свадебный обряд изложен им в предисловии к «Свадьбе в Кокшенье». напечатанной в журнале «Живая старина» в 1910 г.⁶⁾. «Свадьбу в Кокшенье» считают одним из самых подробных описаний великорусского свадебного обряда.

Любопытны взгляды Едемского на песню. Он отмечает, что по содержанию большая часть традиционных долгих не-

сен — это песни любовные и семейные, затем — солдатские и рекрутские, исторические, встречаются также юмористические, сатирические и др. Едемским записано небольшое количество хороводных песен или, как их называют в Тарноге, городков.

Едемский обращал внимание и на бытование наиболее распространенного жанра — частушки. Однако этому жанру Едемский уделил мало внимания.

Особую категорию песенного материала, отличную от городков, долгих песен, перегудок (так называют в Тарноге частушки), составляли, по мнению Едемского, припевки. (Припевать — это значит упоминать чье-либо имя в песнях, величать; особенно на вечеринках, свадьбах).

Однако кокшеньгская припевка — не всегда величальная. По наблюдениям Едемского, припевками чаще всего припевали жениха к невесте, мужа к жене, молодца к девице, вообще — мужчину к женщине и наоборот. Припевки пелись везде (на вечерованьях, на свадьбах, на посиделках, на сенокосах, зимой и летом). В припевках Едемский находил элементы других народных песен: колядных, хороводных, величальных и т. д.⁷⁾ Таковы наблюдения Едемского над песенным жанром.

Примечания:

1) Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. Обзор работ под ред. акад. С. Ф. Ольденбурга, Л., 1926, стр. 35.

2) Там же, стр. 46.

3) Там же.

4) Там же.

6) Там же, стр. 46—47.

6) М. Едемский. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии. Спб, 1911. (предисловие, стр. 1—9).

7) М. Едемский. Припевка в Кокшеньге Тотемского уезда, Живая старина, вып. 1—2, 1910, оттиск.

Г. КОМАРОВА (Вологда)

Научный руководитель М. А. Вавилова

СВАДЬБА В КОКШЕНЬГЕ В ЗАПИСИ М. Б. ЕДЕМСКОГО

В фольклорном наследии М. Б. Едемского видное место занимает «Свадьба в Кокшенье», записанная им в 1895–1896 годах в деревне Рыкаловской Спасской волости Вологодской губернии. Она привлекла М. Б. Едемского своей оригинальностью и неповторимостью, несходством не только с отдельными обрядами севера, но даже с обрядами соседних уездов — Белозерского и Тотемского. Запись сделана подробно, точно, и ее по праву можно назвать классической записью свадебного обряда.

Академик В. И. Ламанский называет свадьбу драматическим представлением в несколько актов, с подразделением на действия, с множеством действующих лиц и переменой мест. Нельзя не согласиться с этим по отношению и к Кокшеньгской свадьбе.

Завязкой свадьбы является сватовство, а не знакомство невесты и жениха, Сват или сватья, из родственников более спытных, тактичных и речистых, приходят сватать. Родители невесты в ответ на это едут в дом жениха «смотреть место». Если они довольны хозяйством жениха и дают согласие, то в определенном порядке проходят последующие действия с нарастающей напряженностью.

Первое — это рукобיתье, или запоручивание, когда невесту благословляют, закрывают лицо платком, которого она не должна снимать до свадебного дня. (С этого момента невеста начинает и причитать).

Следующая композиционная часть свадьбы — «нидиля» (время с рукобיתья до дня свадьбы обычно неделя). Она называется по имени невесты «Сахина», «Машкина» нидиля. В течение этой недели девушки шьют дары, а невеста причитает, прощаясь с девичеством, соседями. Два раза на неделе, вечерами, невеста идет с подругами на «угор» (возвышенное место) и на поварню (где варят пиво) для прощания с родными местами.

Поэтически ярким, трогательным моментом является канун свадьбы — сватальный день, вечер которого называется «девичником». Приезд в дом женихов сопровождается мотивом

борьбы двух сторон за невесту: насильственное вторжение, купля места за столом, выкуп невесты.

Кульминационный пункт обряда — день свадьбы. Прощание невесты с символом девичества — красотой и передача отцом ее руки жениху. Невеста со слезами и частыми христаниями (т. е. падением на локти, со всего размаху) причитает, вызывая жалость и сочувствие присутствующих. 4Несколько раз выдергивает она свою руку от отца и возвращается к подругам. Напрасно невеста пытается выйти из-за стола, отталкивая сватью, отстоять девичью независимость.

Не у вас-то в дому хожу,
Не за вашим столом сижу,
Не ваш-то хлеб кушаю
И не вас топерь слушаю, 1)

— причитает она, но ее удерживают и сажают на место.

Из дома невесты поезд отправляется в церковь, чему предшествуют душераздирающие вопли невесты. Затем наступает перелом: невеста больше не плачет и ни один причет не входит в остальные сцены.

От венца в доме жениха молодых встречают с хлебом и солью. Соединение молодых после свадебного пира является развязкой, разрешающей коллизию драматического свадебного действия.

Послесвадебные церемонии — хлибины и процессье — выполняют роль послесловия.

Кокшеньгская свадьба переполнена тоской, печалью и грустью. М. Б. Едемский в ходе свадьбы нередко делает такие замечания, как «Плачут все бабы и девушки»²⁾ или «Плачут все присутствующие в избе»³⁾. О невеселом ладе свадьбы свидетельствуют и жанры, входящие в обряд. На протяжении двух-трех недель можно услышать только причеты невесты, если не считать нескольких величальных песен, заговоров и приплачек (приветственных слов, выпричитываемых поезжанам). В обряд не входят ни одна свадебная песня, ни приговорки, ни загадки, которыми так насыщена Белозерская свадьба.

В свадебных обрядах каждое участвующее лицо, исполняя свою роль, должно считаться с характерными для нее чертами, заданными традицией, трудно бывает отделить чувства, заданные традицией, и личные чувства участников игры. Между тем, Кокшеньгская свадьба, наряду с включени-

ем традиционных черт, отличается от других свадеб большей реальностью изображаемого, искренностью чувств, совпадением основных действующих лиц с их художественными характеристиками.

Невеста-красавица рисуется в причетах как красная девица, молодешенька, у нее белое лицо, очи ясные, брови черные. Символы, обозначающие невесту, дополняют этот портрет: лебедь белая, цвет лазуревый, ягодка. В один из дней недели она идет с подругами на деревню причитать. Едемский замечает: «Невеста без всякого теплого наряда, в одном крашениннике» ⁴⁾. Или вот она после бани: «Вычесывает голову и заплетает хвост (косу). Одета запросто» ⁵⁾. Один из причетов подчеркивает, что она крестьянка.

Да всю работку-то робила,
Да насквозь весны-те красные
Я орала, боронила
Да угороды городила,
Да наскрозь весны-те красные
Да в избу не заходила ⁶⁾

Об этом свидетельствует и поведение невесты. «Ой, не хочу, не надо вино! То же не пойду, отказывайте!» — кричит невеста и ревит во всю мочь» ⁷⁾, — замечание Едемского во время «рукобитья». А вот она на неделе вечером говорит уходящим подругам: «Дивишы, завтра, Христа ради, пораньше приходите, пошлю кого-нибудь, так приходите, не дожидайтесь дугово-то зова ⁸⁾».

Много неестественного в чувствах, заданных традицией. Едемский пишет: «...истекшим летом 1908 года мне приходилось наблюдать свадьбу, где невеста выходила против воли родителей, но тем не менее, она хрясталась так, что вся изба вздрагивала» ⁹⁾. Горе, тоска — основное содержание причитаний.

«Мои белы-те рученьки
От сердца отвалилися,
Головка с плеч покатиласе» ¹⁰⁾.

Или:

Где-ка я походила,
Где-ка я постояла,
Да горьких слез поронила,
Тут расти да псырасти
Яблоня кудреватая ¹¹⁾.

Искренние чувства, между тем, заслоняют традиционные, передавая их реальность через настроение присутствующих.

Когда невеста падает в ноги отцу-матери и в отчаянии причитает:

Да пришли-ко мнс, господи,
Мне-ка, скорбь-ту тяжелую,
Да и смертку-ту скорую», — 12).

то все девки и бабы в избе плачут. На неоднократное повторение отца наряжаться «перед стол», невеста обращается к нему:

Схожо красное совнышко
Да мой кормилец — ты, батюшко,
(обнимает отца),
Далеко ли сряжатися? 13).

В избе в этот момент все плачут. Бабы говорят, пригорюнившись и сквозь слезы: «Последний раз девушкой наряжаться».

Жених — самое пассивное действующее лицо. Он все делает по указанию свата и сватьи, которые ведут весь обряд, угощают от имени жениха. Он погубитель, разоритель чужуженин, у которого:

Из посуды-то медные —
Крест да пуговица,
Из скота-то рогатого
Торокан да жужелица 14).

Величальные песни прославляют только невесту.

Свадьба в Кокшенье в целом ряде случаев отражает глубокую старину. Мы видим и остатки умыкания, и купли-продажи, сватовство начинается со слов: « У вас есть товар, а у нас купец» 15), приезжают за невестой поздно вечером, а приехавших встречают враждебно, заперев все двери и выходы, с причитанием:

Наскакали да наехали
Злы татары-те сьидники
Да людоеды-разбойники 16).

Не на шутку считаются с возможностью подмены и подвохов. Приехавшие сидят в полной одежде, в шубах и тулугах, со своим угощением. Неизбежны обрядовые употребления воды, сена и пр. Уподобление в причетах жениха соколу, невесты лебеди, шуке, упоминание искусственных преград: реки широкой, «ограды железной», замков немецких — все указывает на сохранение пережитков древнеславянского брака.

Кокшеньгская невеста не чувствует себя во время свадебной игры женщиной, которой путь от кутн до порога:

Не возношусь не родом, не племенем,
Только возношусь да я своим
умом-разумом,

— причитает она ¹⁷⁾.

Из воли отповской она перейдет в волю чужа-чуженина, и как бы она ни плакала — воля отца осуществится, но нежелание подчиниться, потерять девичью волю сквозит в причетах:

Я не служка-та верная,
Тебе не заменка-та крепкая.
Уж не надейся-ко, чуж-чужень,
На меня-то на скотницу
Да на вековичну работницу ¹⁸⁾.

В сватальный день, часами приходится стоять свату перед невестой с вином, а она в это время причитает:

Т любив-жо высватывать, ●
Так люби-жо постаивать ¹⁹⁾.

Не менее четырех-пяти раз приходится сватье и свату повторить просьбу: вывести невесту перед стол, кланяясь при этом «в пояс». Не возьмет она стакан вина, который держит на подносе жених, если он протягивает его через стол, а не подходит к ней.

Долго заставляет стоять жениха с пряниками и деньгами перед ней, причитая:

Это шо за купечество,
Да шо за богачество,
Не задаток ли задаешь
Да не в казачихи ли наймуешь,
Я задатку-ту не возьму
И в казачихи-те не пойду ²⁰⁾.

На основе наблюдений, мы делаем вывод: свадьба в Кокшеньге стоит особняком от обрядов Севера. Едемский находит заметное сходство в содержании причетов, в соотношении композиционных частей только с обрядами Новгородской губернии и Шенкурского уезда Архангельской губернии. Это можно объяснить причинами исторического порядка, связыва с заселением Кокшеньги жителями из этих губерний.

Примечания:

- 1) М. Едемский. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологдской губернии, Спб, 1911, стр. 117.
- 2) Там же, стр. 73.
- 3) Там же, стр. 94.
- 4) Там же, стр. 39.
- 5) Там же, стр. 52.
- 6) Там же, стр. 86.
- 7) Там же, стр. 15.
- 8) Там же, стр. 29.
- 9) Там же, стр. 16.
- 10) Там же, стр. 79.
- 11) Там же, стр. 45.
- 12) Там же, стр. 57.
- 13) Там же, стр. 73.
- 14) Там же, стр. 19.
- 15) Там же, стр. 14.
- 16) Там же, стр. 63.
- 17) Там же, стр. 65.
- 18) Там же, стр. 20.
- 19) Там же, стр. 68.
- 20) Там же, стр. 80.

И. СМЕРНОВА (Вологда)

Научный руководитель М. А. Вавилова

**ОТГОЛОСКИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДОВОЙ
ПОЭЗИИ В ТАРНОГСКОМ РАЙОНЕ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Хороводные игровые песни — остатки некогда богатой календарной поэзии Тарногского района. Как утверждает М. Б. Едемский¹⁾, хороводные игровые песни — отголоски календарных обрядов, связанных с кругом земледельческих работ и праздников, имеющих магический характер. Воздействием на духа земли, на природу силой магического слова народ стремился достичь плодородия почвы, большого урожая, счастливой жизни. Поэтому в хороводных игровых песнях прославлялась идеальная жизнь.

В Тарногском районе обряды были характерны для зимнего и весенне-летнего периода календаря. Но не все хороводные игровые песни носили обрядовый характер. В. И. Чичеров замечает, что некоторые из них не относятся к числу об-

рядовых, поскольку они «поются при любых обстоятельствах»²⁾).

С течением времени обрядовые действия и магическая функция песен утратились. Хороводные игровые песни стали бытовать как музыкальное сопровождение при играх-хороодах. В песню проникли элементы быта, и она приобрела социальный характер.

От традиционной лирической песни хороводная игровая песня отличается назначением, мотивом и поэтическим строем. Когда существовали обряды в Тарногском районе, хороводная игровая песня прикреплялась к определенному обряду: при их исчезновении она стала служить средством развлечения молодежи, сопровождая игру в хоровод, которая требовала песни определенного склада и ритма. Эта функция закрепилась за хороводной игровой песней, а не за лирической.

Обрядовые песни в Тарногском районе называются «кружками» и «городками». Эти названия были известны еще в 1905 году М. Б. Едемскому, они сохранились и до наших дней. По-прежнему жители утверждают, что слова «кружок», «городок» произошли от характера движений поющих ту или иную сторону. Песня закрепила такое название.

Хороводы пелись на разные темы. Самой распространенной была трудовая, брачная и бытовая тематика. Тарногские женщины хранят в своей памяти бытовые «кружки»: «Как на нашей на сторонке», «Я во садик пошла» и любовные. Кружок «За тыню, за ричкою быстрою» рассказывает о взаимной любви девушки и юноши:

За тыню, за тыню,
ричкою быстрою,
загоню я, загоню
голубя с голубкою.
А голубь-то у нас да Васильюшко,
А голубь-то то у нас ведь Павлович!
Стритяте оне да поклонятеся,
Свидяте оне да поцелуютсе».

Городки «О двух концах», «Во лузях», «С полугу лугу» подчеркивают глубокий трагизм положения женщины в патриархальной семье, девушки, выданной замуж по воле отца за нелюбимого. Боль слышится в словах девушки-невесты обращенных к отцу:

«Уж ты, батюшко мой родной,
ты прими-ко слово ласковое,

возлюби слово приветливое,
не отдай меня за старого замуж.
Старого мужа я насмерть не люблю».

«Кружки» отражают и трудовую тематику. Труд — средство воспитания девушки:

«Родна матушка не лиха, не добра,
призаставила капустку садить,
приневолила рассаду поливать.
Я сажу-сажу — не родится,
поливаю — не отродится».

Большинство записанных нами хороводных игровых песен не имеет строгой композиции. Сохраняются они как песни-монологи и как воспоминания или рассказ, чередующийся с диалогом.

«Тут мою невесту
горе мыслию разымало.
— «Разве ты, невеста,
свекор-батюшко не любит?»
— Как у меня-то свекор
лучше брата дорогого».

Для некоторых «кружков» характерна строгая композиция. Примером может служить кружок «Груня». Как большинство кружков, эта хороводная игровая песня имеет зачин-обращение:

«Груня, Груня, ягода моя».

Любовь Груни к Алеше — завязка действия. Кульминационный момент — письмо Груни к матери с просьбой позволить любить. Развязка — ответ на письмо:

«Гуляй, дочка любимая,
пока волюшка дана,
не прикрыта голова».

Интересны в кружках зачины: «В хороводе, в хороводе были мы», «Ой, было во лужях, во зеленых лужях». Зачины — своеобразный подступ к действию, о котором будет повествоваться в кружке. Зачин «Заплетайся, плетень, заплетайся, завернися, камка дорогая» сохранился лишь в кружке «Плетень».

Хороводные игровые песни создают традиционные образы жениха и невесты. Невеста всегда красна девица, трудо-

рядовых, поскольку они «поются при любых обстоятельствах»²⁾).

С течением времени обрядовые действия и магическая функция песен утратились. Хороводные игровые песни стали бытовать как музыкальное сопровождение при играх-хороводах. В песню проникли элементы быта, и она приобрела социальный характер.

От традиционной лирической песни хороводная игровая песня отличается назначением, мотивом и поэтическим строем. Когда существовали обряды в Тарногском районе, хороводная игровая песня прикреплялась к определенному обряду; при их исчезновении она стала служить средством развлечения молодежи, сопровождая игру в хоровод, которая требовала песни определенного склада и ритма. Эта функция закрепилась за хороводной игровой песней, а не за лирической.

Обрядовые песни в Тарногском районе называются «кружками» и «городками». Эти названия были известны еще в 1905 году М. Б. Едемскому, они сохранились и до наших дней. По-прежнему жители утверждают, что слова «кружок», «городок» произошли от характера движений поющих ту или иную сторону. Песня закрепила такое название.

Хороводы пелись на разные темы. Самой распространенной была трудовая, брачная и бытовая тематика. Тарногские женщины хранят в своей памяти бытовые «кружки»: «Как на нашей на сторонке», «Я во садик пошла» и любовные. Кружок «За тыню, за ричкою быстрою» рассказывает о взаимной любви девушки и юноши:

За тыню, за тыню,
ричкою быстрою,
загону я, загону
голубя с голубкою.
А голубь-то у нас да Васнлюшко,
А голубь-то то у нас ведь Павлович!
Стритяте оне да поклонятея,
Свидятеся оне да поцелуются».

Городки «О двух концах», «Во лузах», «С полугу лугу» подчеркивают глубокий трагизм положения женщины в патриархальной семье, девушки, выданной замуж по воле отца за нелюбимого. Боль слышится в словах девушки-невесты обращенных к отцу:

«Уж ты, батюшко мой родной,
ты прими-ко слово ласковое,

возлюби слово приветливое,
не отдай меня за старого замуж.
Старого мужа я насмерть не люблю».

«Кружки» отражают и трудовую тематику. Труд — средство воспитания девушки:

«Родна матушка не лхва, не добра,
призаставила капустку садить,
приневолила рассаду поливать.
Я сажу-сажу — не родится,
поливаю — не отродится».

Большинство записанных нами хороводных игровых песен не имеет строгой композиции. Сохраняются они как песни-монологи и как воспоминания или рассказ, чередующийся с диалогом.

«Тут мою невесту
горе мыслию разымало.
— «Разве ты, невеста,
свекор-батюшко не любит?»
— Как у меня-то свекор
лучше брата дорогого».

Для некоторых «кружков» характерна строгая композиция. Примером может служить кружок «Груня». Как большинство кружков, эта хороводная игровая песня имеет зачин-обращение:

«Груня, Груня, ягода моя».

Любовь Груни к Алеше — завязка действия. Кульминационный момент — письмо Груни к матери с просьбой позволить любить. Развязка — ответ на письмо:

«Гуляй, дочка любимая,
пока волюшка дана,
не прикрыта голова».

Интересны в кружках зачины: «В хороводе, в хороводе были мы», «Ой, было во лузах, во зеленых лузах». Зачины — своеобразный подступ к действию, о котором будет повествоваться в кружке. Зачин «Заплетайся, плетень, заплетайся, завернися, камка дорогая» сохранился лишь в кружке «Плетень».

Хороводные игровые песни создают традиционные образы жениха и невесты. Невеста всегда красна девица, трудо-

Мы во садик пошли,
Во зеленый пошли,
Пошли луку полоть,
Зеленого щипать.
Ко тыну я припаду,
Все повыслушаю .

Начало этого же «кружка» А. В. Которина исполняла иначе:

«Девки во садичек пошли,
во зеленый пошли,
ой, калина. ой, малина,
пошли луку полоть,
пошли луку полоть,
зеленого щипать.
Я полю, полю лучок,
перепальваю,
через тын-огород перебрасываю.
Ой, калина, ой, малина,
перебрасываю.
Ко тынч я припаду,
все повыслушаю».

В первом случае произошло сокращение объема хороводной игровой песни. Наиболее полно сохранила в памяти эту хороводную игровую песню В. И. Едемская. Об этом говорит сравнение наших записей с записями М. Б. Едемского. Мы пришли к выводу, что в процессе бытования происходит сокращение мотивов хороводной игровой песни, но при этом поэтическая схема и главная идея остается неизменной.

Контаминация, как явление характерное вообще для старинных песен, имеет место и в хороводных игровых песнях. В 1905 году М. Б. Едемский в деревне Рыкаловской записал две хороводные песни «О двух концах», которые теперь воспроизводятся как единое целое. Произошла контаминация по сходству поэтической формулы.

Мы наблюдаем последний этап жизни обрядовых песен. Как игра — хоровод, кружки были еще характерны в конце 19 века, хотя М. Б. Едемский уже записывал кружки в большинстве своем в комнате. Во времена Едемского хороводная игровая песня потеряла обрядовый характер, изменились и ее функции. Песни, потеряв обрядовый характер и употребление в процессе труда, перешли в разряд лирических. Со старым обрядом их роднит лишь мотив. Поэтому-то старожилы и делают различие между лирическими песнями и «кружками». Мы записывали кружки по воспоминаниям, а не

в процессе активного бытования. Лишь некоторые песенницы могут рассказать отдельные элементы игры, которую сопровождала хороводная игровая песня. Жители моложе 55 лет кружков не знают. В их репертуаре ведущее место принадлежит старинной лирической и современной песне.

Примечания:

1) М. Б. Едемский. Вечерования и городки в Кокшеньге, Тотемского уезда, Живая старина, 1905, вып. 3—4, стр. 459—481.

2) В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв., М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 179.

3) П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях и т. п., СПб, 1898, т. II.

Г. БЕРСЕНЕВА (Зологда)

Научный руководитель М. А. Вавилова

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ТАРНОГСКОГО РАЙОНА

В 1900—1924 гг. Тарногский район находился в плане фольклорных наблюдений видного фольклориста, нашего земляка, М. Б. Едемского. Записать песни, бытующие в настоящее время, сравнить их с записями Едемского — вот конечная цель нашей работы. Данная статья обобщает первые наблюдения над любовными песнями. За короткий срок нам удалось записать около 200 песен традиционного классического репертуара. Среди них около 80% любовных песен. Записывали мы в Озерецком, Шебеньгском и Шевденишском сельсоветах Тарногского района. Исполнителями были люди 60—90 лет. Это Анна Федосеевна Нечаева, Александра Егоровна и Василий Тимофеевич Дружининские, Анна Васильевна Каторина и другие. Они рассказали нам, где, когда исполняется песня. Так, А. В. Каторина сказала: «Песня все с нами: мы на работу, а она за нами, едем на машине, да с бабами и затанем ее, и на веселье — на гулянке, да что и говорить — все с ней».

Тарногский район — это район богатый песенной культуры с довольно устойчивым и самобытным репертуаром. При-

чинами сохранения старинной песни являются, на наш взгляд, довольно постоянный состав населения, который бережно хранит песенную традицию, и удаленность от центра. Наиболее яркими песнями, которые по праву можно отнести к лучшим образам лирической народной поэзии, являются: «Головка-то болит», «Красотой своей озарена», «Стало не с кем попить, погулять», «Весел-то я весел, радостен топерешной час», «Дуняша», «Комарочки», «Унылый свисток» и многие другие.

Большей частью эти песни имеют заунывные, хватающие за душу мелодии. Основные герои — «девушка» и «молодец». Второстепенные — подруги, родители и товарищи. Соответствующим переживаниям и настроениям главных героев любовные песни бывают веселые и печальные. Личное счастье или горе раскрывается через сопоставление с природой. Природа активно участвует в судьбе влюбленных. Она глубоко переживает разлуку молодца и девушки («деревья пригорюнились»), а также радуется, оживает, поет, если любящим улыбается счастье.

Сила любви, глубина человеческого чувства проявляется в поэтической характеристике юноши и девушки: «красна девица», «добрый молодец», «мил друг», «милая», «разлюбезная», «распрекрасная, для этой же цели используют собственные имена: «Анюта», «Дуняша», «Катенька», «Ванюша». Счастье или горе влюбленных изображается в реальной, но вместе с тем в поэтической обстановке: «во садочке», «по берегу похаживали, шовкову траву заламывали», «в роще» и т. д.

Типично для любовной песни гулянье девушки и молодца по зеленому саду, срывание цветов и завивание венков друг для друга. Разлука, как правило, выражается в картинках прощания: «идет милой со большою со артелью, во бабушечку баско играет, он играет, милую утешает, не печалься, милая, обо мне, время — время нам с тобой расставаться. Не век с тобою вместе жить».

Разлука в Тарногских лирических песнях чаще всего оканчивается вынужденной. Разлучает влюбленных жестокая сила родителей, власть денег, которые ставятся выше, чем любовь и счастье.

«Не отдавай меня за старого замуж,
Старого мужа я насмерть не люблю,
Со старым мужем гулять не йду,

Ты отдай-ка меня за ровню,
Молодого мужа я насмерть люблю,
С молодым мужем гулять пойду.

Простейшая форма лирической песни — монолог. Пример такой песни-монолога — «Чудной месяц плывет над рекою». Она начинается с обращения не к людям, а к различным явлениям или предметам. Риторическое начало усиливает драматизм и эмоциональную выразительность песни. Песня-монолог строится по принципу образного параллелизма: «Не шуми-ко, белая береза, без шумленья лис опав, не тужи-ко, моя хорошая, без туженья мив отстав». Эта символическая параллель помогает глубже передать чувства любви девушки.

Менее распространена композиционная форма — диалог. Это разговор девушки со своим милым, подругами, родителями. Яркий пример диалогической композиции — песня «Измена».

Большинство песен имеет двухчастную композиционную форму: в начале идет повествовательная часть, затем следует монолог или диалог:

Две девушки, две голубушки
Вместе ходили, думку думали.
О своих дружках поплакали.
Ох, ахти горе да великое.
Нам куды идти
Горе нести?
Тоску — в Москву.
Горе — в Вологду.
Я пойду с горя да во чисто поле,
Во чисто поле, да там растет трава,
Там цветут цветы да лазуревы.

Лирическое содержание песни выражается не только в форме прямых высказываний ее героев, но в известной степени путем показа их поступков, создания определенных бытовых и пейзажных картин. Художественное назначение повествовательно-описательных вступлений в том, чтобы придать выражаемым в монологах и диалогах чувствам и мыслям более конкретный характер, сделать поэтическое выражение более мотивированным. Описательно-повествовательная часть в лирических песнях часто строится на использовании или выделении единичного из многого, или приема ступенчатого сужения образов.

«Потеряла я колечко,
Потеряла и любовь.
Я об этом об колечке
Буду плакать день и ночь.
Где девался тот цветочек,
Что долину украшав?
Где тот, миленький дружок,
Что слова мне обещав?

Сравнения более выразительны, чем символы, и их употребление шире. Отличаются они большей гибкостью, подвижностью. Для сравнений важен не весь предмет, а какой-то признак. Поэтому одни и те же образы могут сравниваться с самыми различными явлениями природы.

Часты в Тарногской лирической песне обращения. Одни — искретенные, направленные к определенному лицу («мои милые подруженьки», «моя милая матушка»), другие риторические. Часто песни начинаются с обращения к различным предметам и явлениям природы: «Не шуми-ко, белая береза», «Что вы, ветры, что вы, буйные?».

Рассмотренные нами приемы и средства поэтического стиля в лирических песнях Тарногского района позволяют сделать вывод об общерусском характере собранного нами материала.

Л. СИПИНА (Бзлогда)

Научный руководитель М. А. Вавилова

СОВРЕМЕННАЯ ТАРНОГСКАЯ ЧАСТУШКА

За время экспедиций 1965—1966 года в Тарногском районе было собрано более 2000 частушек. На этом материале можно сделать ряд выводов. Во-первых, этот жанр распространен довольно широко: почти каждый, у кого мы записывали старину, знает и частушки. Без веселой и задорной частушки в этих местах не обходится ни один праздник, ни одно гуляние.

Частушка приближается к песне, а музыка сохраняет единство ее ритмического рисунка. Мотив имеет несколько вариантов. Одни частушки исполняются протяжно и для окончания используется долгий слог, другие — быстро, весело; в

основном такие зазорные, боевые частушки сопровождают перепляс под гармошку.

Частушки мы записывали главным образом от женщин в возрасте от 17 до 85 лет. Найти человека, сочиняющего частушки, нам не удалось. Можно предположить, что большинство их сочинено молодежью. Чрезвычайно узок круг частушек, сложенных замужними женщинами. Деревня еще в прошлом верно сказала словами частушки о том, что, оставляя девичество, женщина оставляет и песни:

«Девки, пойте как поется,
Замуж выйдешь — не придется.
Не придется песен петь,
Придется горюшко терпеть».

Любовная тематика в частушках тесно переплетается с бытовой и сатирической. Относительно частушек на общественно-политические темы можно сказать словами вологодского поэта Сергея Викулова: «Частушки с общественным содержанием в огромном океане фольклора составляют довольно скромный процент. При этом рождаются они в большинстве случаев не стихийно, а преднамеренно, в коллективах художественной самодеятельности. Выполнив свою задачу, «выстрелив» по конкретной цели, она (частушка) тут же забывается»¹).

Разделение частушек на «старые» и «новые» в нашей практике весьма условно, как и само название «старая» частушка. Особенно трудно провести это деление среди любовных частушек, ибо в них, если не затронута социальная сторона и не употреблена старая лексика, та же любовь с ее верностью и изменой, те же переживания влюбленных, типичные для всех эпох. Мы стремились, по возможности, выделить старую частушку из современной записи по социальному и по лексическому признакам.

Старые частушки драматичны. Выдача замуж не за ровню, женитьба не по любви, беспросветная жизнь в доме мужа составляют основное их содержание.

«Что ты, мама, делаешь,
Не за любóго отдаешь,
Не любóй навяжется
Так долóг век покажется».

«Задушевная подружка,
Бабу жизнь проклятая,

В поле каждая травиночка
Слезами капана».

Любовные частушки полны нежной заботы о любимых, их украшают постоянные эпитеты: дряля — яблоко садовое, чернобровый мой, цветочек аленький.

Краткость частушки не противоречит смысловой и эмоциональной законченности. Она порождает недосказанность, недоговоренность, намек, подтекст, в этом особое обаяние частушки. Частушкой можно сказать о чувстве, не называя самого чувства:'

Все ретивое изныло
Уголочком шаяло,
Шаает, шаает угольком,
Да скоро вспыхнет огоньком».

Кто бы на берег поставил
Золотую уточку,
Кто бы сердце успокоил
На одну минуточку.

По своей выразительности и богатству художественных средств частушка несколько не уступает традиционным любовным песням. Любовные частушечные циклы рисуют встречи, гуляния с милым, счастливую любовь, измену, супостатку-разлучницу. Какими едкими сравнениями, красочными эпитетами наделяется супостатка: она и пиявица, и вертоголовая, и перевичка.

Супостатка тоненька,
Под огород подпоринка,
Изогнулась, извилась
На перевичку в самый раз.

В любовной частушке закрепился образ покинутой или «измененной», как ее называют в народе, девушки. В таких частушках тонко подмечено психологическое состояние человека.

Измененную девчоночку
Узнаешь по глазам,
Измененная девчоночка
Глядит по сторонам.

И все же подавляющее большинство частушек об измене проникнуто задором, гордостью и чувством собственного достоинства.

Ягодinke за измену
Ветка вересовая,
Ему надо посмирняя,
Ну, а я резовая.

Давно дроли не видала
Думала не видывать,
Посмотрела в понедельник,
Нечему завидовать.

Художественные приемы частушки близки к народной лирической песне, только в частушке они более сжаты и лаконичны. Применение символов в частушках придает им лирический характер: так символ девушки — березка белая, символ замужней женщины — кукушечка. Часто встречается положительный параллелизм, придающий особую лиричность и мягкость. Образы-параллели взяты из мира природы:

В поле серая кукушечка,
Не ты ли мне сестра,
Горя не было у девушки,
Не ты ли принесла?

Часто эти образы-параллели употребляются безо всякой психологической связи с основным содержанием, в таких случаях они являются просто запевом:

Золотое-то колечко
На руке вертелось,
Насмотритесь, мои глазки,
На кого хотелось.

Среди собранных частушек особое место занимают рекрутские частушки. Знают их люди преклонного возраста и вспоминают по просьбе.

Перед нами далекое прошлое: крестьянский парень, уходящий в царскую армию служить долгую и горькую службу. И даже удаль, грубое ухарство в таких частушках не в силах скрыть тоски и горечи расставания:

Повезли меня в солдаты,
Как невесту из ворот.
Запою тоскливы песенки,
Заплачет весь народ.
Шевденицкая дороженька
Слезами улила,
По шевденицкой по дороженьке
Катались рекрута.

Как воспоминание о прошлом встречается в Тарногском районе военная частушка. Частушки о первой мировой войне объединились с частушками об Отечественной войне. Это можно объяснить одинаковостью тематики. Наиболее удачные образы перешли из старой частушки в новую и воспринимаются как закономерные.

Ягодиночку убили,
Из винтовки ринули,
Молодые его годики
В боях погнули.

Записаны и новые, колхозные частушки. В них нашла отражение радость коллективного труда.

Задуманная моя,
Товарочка активная,
Никогда не надоест
Работа коллективная.
По-ударному работа,
По-ударному еда,
По-ударному с милёночком
Гуляем завсегда.

Появляется в таких частушках особая сатирическая струя, бьющая по лодырям:

Председателя колхоза
Пересыпали мукой,
Чтобы моль его не съела
До весенней посевной.

Частушки колхозные — злободневные. Они возникают чаще всего сознательно, с определенной целью, а выполнив свою задачу, уходят со сцены, забываются, и на смену им идут частушки нового дня.

Примечания:

С. В и к у л о в. Мысли о частушках. Вологодские частушки, пословицы, поговорки, Вологда, 1957, стр. 4—5.

Т. САХАРОВА (Бологда)

Научный руководитель М. А. Вавилова

СКАЗОЧНИК ТАРНОГСКОГО РАЙОНА А. И. ЕДЕМСКИЙ

Алексей Измайлович Едемский — популярный среди детей и взрослых сказочник. Особенной любовью он пользуется у детей. Деревенские мальчишки и девчонки недаром отдают этому замечательному человеку свою любовь и привязанность — это плата за его чудесные сказки, за его любовь к людям. А. И. Едемский родился в 1899 году в деревне Ананьевской Нижне-Спасского сельсовета Тарногского района в крестьянской семье. Ему удалось окончить три класса сельской начальной школы. Дальше учиться не пришлось, нужно было кормить себя и семью. А. И. Едемский принимал участие в гражданской войне, а потом в организации колхоза. Некоторое время он был председателем колхоза. Участник Отечественной войны, он имеет правительственные награды. После войны работал в колхозе. С 1960 года — пенсионер. Несмотря на то, что Алексей Измайлович сейчас на пенсии и здоровье его подорвано, он все еще выступает с докладами перед односельчанами, бывает в гостях у школьников.

Несмотря на свои 67 лет, Алексей Измайлович веселый и обаятельный человек. Слушать его сказки — величайшее наслаждение. А. И. Едемский обладает живой, образной, эмоциональной речью и очень богатой мимикой.

То, что мы записали, — всего лишь слабые отсветы яркого пламени таланта сказочника.

А. И. Едемский любит сказки и гордится тем, что много их знает и умеет рассказывать. Это — грамотный, начитанный человек, речь его эмоциональна и близка к литературной. А. И. Едемский сказочник-бытовик, но в его репертуаре встречаются также волшебные сказки и сказки о животных.

Из сказок о животных мы прослушали и записали «Скырлы-скырли нога» (Андреев, 161)¹), «Как заяц овцу спас» (Андреев, 70), «Про зайчика» (в указателе Андреева не значится). Последние две сказки рассказчик относил к детским. Это заметно и по языку сказок. Много ласкательно-уменьшительных слов: «зайчик», «мышка», «лошадка», «кусочек», «избушка».

Из волшебных сказок мы записали. «Баба Яга» (Андреев, 327), «Снегурочка» (Андреев, 703), «О бедной падчерице, которую Морозко сделал богатой невестой» (Андреев, 480, 3). Сказка «Жадный старик» — резкая, злая сатира на жадность. Язык сказки деловитый, лишен всяких украшений. Такова и концовка: «И вот он, таскавши, побелел, и, как золото, он пожелтел. Так и помер он, досчитывая свой девятый миллион».

Из бытовых сказок мы записали: «Лутонюшка» (Андреев, 1384), «Степка» (о том, как мужик решает сообщить злему попу о смерти его жены), «Как старик разбогател», «О беременном попе» (сатирический анекдот), «Глупая жена и умный муж» (Андреев, 1541), «Поп и дьяк», «Все правда, все это было». В этой сказке собрано несколько сказок небылиц (Андреев, 1885, 1912, 19206), «Черт-вор» (Андреев, 820), «Сказка про охотников» (Андреев, 1920), «Сказка о солнышке», «Сказка о двух Ивашках — красной рубашке и грязной рубашке» и другие.

А. И. Едемский хорошо владеет сказочной обрядностью. Каждая сказка имеет зачин и концовку, часто рифмованные.

«В некотором царстве не бывалом,
В нашем районе не малом,
На гладком месте, как на бороне,
Под номером седьмым,
Под которым мы сидим,
Бывало да живало».

(«Снегурочка»)

или:

«Как-то раз в одном селе
Шел мужик навеселе,
А старуха-щебетуха,
От природы говоруха,
Рассказала в тот же раз
Про Лутонюшку рассказ».

(«Лутонюшка»).

Концовки: «Коточек да палочка — вся и сказочка», «С тел пор и живет в тей избушке одна старушка. А теперь, наверно, и та померла, примерно». («Скырли-скырли нога»). Или: «Вот, дорогие дети, до чего доводит лень-то — ее благородие! Любите жизнь! Любите труд! («О бедной падчерице»).

При изложении сюжета троичность, характерная для русской классической сказки, не соблюдается, почти совсем не встречаются сказочные формулы. Сказки отражают индиви-

дуальные черты рассказчика, много внимания уделяется описанию подробностей быта.

Герои сказок традиционны. Это старик со старухой, умный ловкий мужик, глупая барыня, злой барин, красавица падчерица и нерадивая старухина дочка, баба Яга и Морозко, черти, бог и апостолы, обманутые мужиком. Но эти традиционные герои мыслят современно. Это отражается, в частности, в лексике: язык сказки несколько модернизирован. Так барин измеряет свои поля в квадратных километрах, родители потерявшегося мальчика заявляют в милицию, а действие происходит в колхозе или районе.

Форма подачи сказки — чаще всего беседа. А. И. Едемский рассказывает сказки в виде беседы со слушателями, стремится сделать слушателя участником сказки. Этому он добивается обращением непосредственно к слушателю (например: «Жили-были старик со старухой, и была у них еще внучка-девочка, и звали ее так же, как и тебя...», — обращается он к слушательнице), а также перенесением действия в близкое знакомое место («В нашем же это было районе, только не в нашем селе, а тоже напротив неба на земле»).

Для бытовых сказок характерна форма диалогов между героями. Так, сказка «Степка» — диалог от начала до конца между мужиком Степкой и злым барином.

Алексей Измайлович комментирует свои сказки, вносит разъяснения бытового характера, указывая слушателям на знакомые места, подобные ситуации, похожих героев. Например: «А ведь жить-то надо. Без смерти не умрешь. А за «здорово живешь» деньги тогда не платили, как мне сейчас — пенсия. Только распишись, и деньги» («Жадный старик»). Или: «А вот у него родители были так себе. Вроде меня или наподобие моей старухи» («Лутонюшка»). «И это было тоже давненько. Ну еще попы были и у нас в районе! А ведь больше тридцати лет прошло, ни одного попа у нас в районе нету». («О беременном попе»).

Наблюдение над репертуаром А. И. Едемского позволяет говорить не о бытовании сказок, а о сохранении их. Сам сказочник объясняет такое положение отсутствием аудитории, тем, что сказка не выдерживает соперничества с литературой.

«Летям, неграмотным старикам и старухам, — говорит Едемский, — я много рассказываю того, что давно уже записано было умными и грамотными людьми не с моим образованием. Слушая меня зимними вечерами, слушатели прини-

мают все за мои сказки...». Следовательно, большая грамотность населения и большое количество печатной литературы, наличие радио уменьшает необходимость в устной сказке. Младшее поколение не перенимает сказки. Поэтому с исчезновением старшего поколения исчезнет и вопрос о бытовании устной сказки.

Примечания:

Здесь и далее нумерация сказочных сюжетов дается по «Указателю сказочных сюжетов по системе Антти Аарте». Н. П. Андреева, Л., 1929.

А. ВЯЧЕСЛАВОВА, Т. СИЛИНСКАЯ (Вологда)

Научный руководитель **М. А. Вавилова**

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД БЫТОВАНИЕМ МАЛЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ В ТАРНОГСКОМ РАЙОНЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Мы наблюдали за бытованием пословиц и поговорок, в Шевденицком сельсовете Тарногского района, в деревнях Новгородская, Гора, Митино, Афоново, Подволочная, Никитино.

За короткий срок нами собрано около 1000 пословиц и поговорок. Анализируя записанный материал, выделяем старые и современные пословицы и поговорки, хотя удельный вес последних незначителен. Это пословицы и поговорки такого типа: «Какое руководство, такое и животноводство», «Лучше землю удобряй — больше будет урожай» и т. д.

Из массы собранных нами пословиц и поговорок можно выделить группу местных, которые не встречаются в сборниках Даля и Иллюстрова. «Всем деревеньки не выберешь, хоть водопой да за рекой», «Нечего гоняться, если не хочешь заняться», «Детей воспитывать, не курочек пересчитывать» и т. д.

Мы предлагаем следующую тематическую классификацию собранных нами пословиц и поговорок. О человеке, его труде, народных качествах, об окружающей человека природе. Например: «И на койке, да на своей вольке», «Силен черт, да воли нет», «На чужой стороне поклонись и воронушке».

«Она без тебя, как рыба без воды, как божия птичка без зольного воздуха», «Девичья неволя слаще бабьей воли», «Детей родить — не веточку ломить», «Работай до поту — поешь в охоту», «Пройдет первый Спас — бери рукавки про запас», «Два друга — мороз да вьюга», «Видимо беда, коли во ржи лебеда», «Ни складу, ни голосу, лишь бы драло по лесу».

Словарь, пословиц и поговорок богат и разнообразен. В него входит большое количество диалектных слов и выражений, историзмов и архизмов. Благодаря им достигается высокая степень художественности. Например, в поговорке «Павжна неважна, ужна не нужна, был бы обед», диалектное слово «павжна», которое имеет значение «полдник», сочетается с кратким прилагательным неважна, слово «ужна» со словом «нужна».

Высокая художественность пословиц и поговорок достигается наличием большого количества сравнений и противопоставлений. Например: «Людская молва, что людская волна», «Он чист, как трубочист, честен, как лиса», «Силен черт, да воли нет».

Часто пословица теряет свой обычный повествовательный характер и звучит как иносказание, намек. В таких случаях она приобретает форму риторического вопроса: «Муж жену любил по крапиве босиком водил. Смекай!», «Кто поверит, что волк овцу помиловал?».

Многие пословицы и поговорки имеют одно и то же значение, но звучат по-разному даже в одной и той же деревне. Например, о частой смене погоды осенью: «Осенна ночка на семерке ездит», «В осеннее ненастье семь погод на дворе», «Сеет, веет, кружит, мутит, и ревет, и льет, и снизу метет». В подобных случаях можно говорить и вариантах пословиц и поговорок.

Исходя из наших наблюдений можно сделать некоторые выводы:

1. Пословицы и поговорки активно бытуют в Тарногском районе и воссоздают всесторонне жизнь человека с его заботами, мыслями, думами, чаяниями, надеждами.

2. Есть пословицы, сохранившие суеверные представления крестьянства.

3. Старые пословицы пересмыслиются применительно к новым явлениям действительности.

4. Новые изречения не сразу приобретают определенную устойчивость, чеканную форму и широкое распространение.

Л. МАСЮТИНА (Ленинград)

Научный руководитель В. И. Чагишева

НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВ

(К изучению лексики народной медицины)

В плане изучения диалектного словарного состава большой интерес представляет лексика флоры, т. к. в говорах встречается значительное количество названий трав и цветов, не известных в современном литературном языке.

В картотеке Брянского областного словаря насчитывается большое количество названий травянистых растений, среди них около 30 лекарственных. Они привлекают к себе особое внимание.

Из обширного материала, собранного нами лично в экспедиции 1966 года, мы остановились на анализе только части названий лекарственных трав. Принципом отбора слов послужило сопоставление брянских материалов с данными лечебников XVII—XVIII вв., хранящихся в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. По условиям статьи в настоящей работе рассматриваются лишь 3 слова: ве́ха, девесил, зверобой. Поставлена узкая задача: установить, насколько сохранились в народных говорах слова, которые были известны в XVII—XVIII в. Чтобы выяснить, как широко распространены ингерсующие нас названия, мы проверили брянские слова по картотеке Псковского словаря, по словарям современного, русского литературного языка, историческим, областным словарям, а также по словарям украинского и белорусского языков.

Ве́х, ве́ха (*Cicuta virosa*) — название ядовитого растения семейства зонтичных. Трава эта растет по болотам, берегам рек, озер. В словарях русского литературного языка слова ве́ха в данном значении не приводится, нет его и в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. В Брянской области слово ве́ха широко известно как название ядовитого растения, а не лекарственного: *ве́ха* —

трава бываить, дрянная трава: скатина съестъ — слюна будит итить, ина ни падохнит, а плоха ей будить. Веха растет нъ балоти, лапчкѣми растеть (Страшевичи, Брянский р-н). Учительница О. А. Славянина из г. Севска сообщает: Веха растет на болотистой почве, семена ее ядовитые. Коровы, когда пастбище оскудевает, наедаются ею и болеют, а иногда и погибают.

Со значением названия ядовитого растения слово *веха* знают и жители Псковской области: *третьега дни адин бычок пав: абъевся вѣху* (Псков. обл.). Заметим, что здесь мы имеем существительное мужского рода *вѣх*, морфологический вариант к брянскому *веха*. Из областных словарей слово *веха* в рассматриваемом значении отмечается только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и в «Дополнениях к Опыту областного великорусского словаря», причем в обоих словарях не указывается территория распространения слова, но В. И. Даль приводит множество синонимов к нему. Это позволяет думать, что анализируемое слово известно не во всех русских говорах, но оно входит в словарный состав украинского языка: *вѣх*, *-ху*, *бот.* поручейник.

Сопоставляя приведенные данные с материалами рукописных лечебников, устанавливаем, что в XVII—XVIII вв. была известна трава под названием *вех* и использовалась как лекарственная, правда, трудно сказать, при какой болезни применялась. Сошлемся на пример: *Пригодно истолочь вех или утопить в вине и давать пить по 10 капель больному по 3 раза в день, помогает*¹⁾.

Таким образом, рукописные травники и лечебники позволяют выяснить, что название травы *вех*, *веха* было известно в XVII—XVIII вв. и трава эта использовалась как лечебная. В настоящее время старое народное название травы *вех*, *веха* сохраняется в русских юго-западных говорах и украинском языке, но лечебные свойства этой травы забыты.

Девесил, девясил (*Plula helenium*). Словарями современного русского литературного языка слово *дevesил* не отмечено. В брянских говорах *дevesил*, *девясил* — название многолетнего травянистого растения семейства сложноцветных, корневище толстое, цветы желтые. Трава *дevesил* употребляется при лечении внутренних заболеваний и простуды: *дивясил тожа ад жалутка, ноги кагда ломит, руки,*

ат прастуды ана, с воткай настаивают. Листья бальшыя (Ново-Ямск, Севский р-н). С тем же значением слово девесил находим и в Псковских говорах: *девясил тожа трава высокая, цвятёт жолтым, корень капаеця* (Псков. обл.). Как название лекарственного растения слово девесил отмечается многими областными словарями. В. И. Даль замечает: девесил, вероятно, дивосил. В «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского читаем: девесил — растение, собирается в августе, употребляется как кровоочистительное средство²). Название той же травы в говорах Урала и Сибири имеет иную словообразовательную модель — девятильник: *У девятильника жолтые светы*³); *девятильник — он ат 9 бalezней помогает. Сам высокий, а его цвет, как травка.* (Кемеров. обл., Мариинский р-н, Тюменеве)⁴). А. Макаренко пишет, что из девятильника готовится отвар или настойка на водке от кумушки при болях⁵). В украинском языке эта трава называется дивосил, в белорусском иного словообразования — дзевяцярк. Данные словарей говорят о широком распространении слова девесил и его словообразовательных вариантах как названия лекарственной травы.

В Травниках упоминается девясил, девятисил, девясильник. Цитаты позволяют предположить, что под тремя названиями имеется в виду одна и та же трава. Сошлемся на примеры: *«Есть трава девясильник, добро парить корень и давать пить натошак от сердца»*⁶). У В. Флоринского находим: *«Трава девятисил (в последнее время в сокращенном виде начали называть девясилом) растет кустиками. Добра она, кто ее топит в уксусе и хлебает — внутреннюю болезнь выгонит и одышку»*⁷). М. Чулкову был известен девясильный корень: *«Качество девясильного корня есть пряное, почему похваляется настойка оного от кашля и одышки»*⁸). Г. Попов отмечает, что настой девясила применяется при одышке, сердцебиении, болях живота и т. д.⁹).

Образования девесил, девятисил, девясильник известны были в древнерусскую эпоху, они приведены в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 года. Не исключено, что словообразовательные варианты явились результатом широкого применения данной травы при лечении ряда заболеваний, отсюда вера в ее целебные свойства, в ее силу. А. Г. Преображенский считает, что название травы об-

разовалось от сочетания девять и сила (разрядка А. Г. Преображенского), и сопоставляет с немецким *neunkraft*. М. Фасмер первую часть сложного слова возводит к общеславянской основе (девять). Все это говорит о том, что во многих русских говорах лекарственная трава, применяемая от различных заболеваний, сохраняет свое название от древнерусского периода. В брянских говорах в отличие от ряда других говоров распространено преимущественно бессуффиксальное образование. Ср. серб. *devesilь*, чеш. *devesil*, *devetsil*, пол. *dziewiesil*.

Зверобой (*Hepericum perforatum*) — название многолетнего травянистого растения семейства зверобойных, стеблей несколько, листья с просвечивающимися железками, цветы желтые. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова слово *зверобой* приводится с пометой *бот.*, на лечебные свойства травы не указывается. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского слова *зверобой* не находим, но «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г. зафиксировано *зверобой* — растение и в том же значении производное *зверобойник*. Англизируемое слово приводится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского. В последнем из названных словарей отмечается: «*Зверобой* — растение. Настаивают на водке и пьют от простуды».

Жителям Брянской области трава под названием *зверобой* хорошо известна, т. к. она используется при лечении ревматизма, желудочных и других заболеваний. В том же значении употребляются суффиксальные образования *зверобойник* и *зверобейтник*. Приведем примеры: *звирабой* — трава *есть, жолтинькими цвяточками цвитет* (Борщево, Навлинский р-н); *зверобойник ат ривматизма* (Березино, Дятьковский р-н); *зверобейтник ат живата* (Столбово, Брасовский р-н). Известно слово *зверобой* и псковским говорам: *звирабой* — *цветок такой, ад 96 балезней памагает* (Дроздово, Псков обл.). Обратившись к рукописным травникам и лечебникам, заметим, что *зверобой* (и *свирабой*) как название лекарственного растения знали в XVII и XVIII веках. Приведем имеющиеся в нашем распоряжении примеры: *Пригодно свиробой утопить или столочь, пить с вином или утопить в чем-нибудь... — от тою здравит, а когда ее с собою носит».*

то никто не может сделать бесовской вражды или испортить¹⁰⁾. М. Чулков отмечает, что зверобой оказывает великое действие в случае поражения нервов, от судороги, трепетания членов¹¹⁾. Г. Попов указывает, что в Орловской и Рязанской губерниях при кашле и боли в груди в острых случаях пьют настой листьев и корня зверобоя¹²⁾. А. Макаренко пишет: «настойка зверобоя дается внутрь при болячках, свежие листья (поплевав от ногтеодки»¹³⁾.

Как видно из многочисленных примеров слово зверобой сохраняет свое значение от древнерусского периода до наших дней.

Интересен вопрос об этимологии слова зверобой. А. Г. Преображенский считает, что растение получило свое название «по пятнышкам на листьях, которые кажутся дырочками, если смотреть на свет. Зверобой, без сомнения, контаминация с зверо — бой». Нейштадт полагает, что растение получило название зверобой потому, что будто оно оказывает вредное влияние на поедających его животных¹⁴⁾. И. Гришина пишет: «Охотники Мещерского края по-другому объясняют происхождение названия этого растения. Они говорят о том, что зверобой чаще растет на солнечных полянах в лесу, на которых часто происходят бои лосей, кончающиеся иногда гибелью одного из животных. Так своеобразно по месту произрастания зверобой получил свое название»¹⁵⁾.

Последнее из объяснений, нам кажется, лишено научности, исследователь оказался в плену народной этимологии. Уже то, что слово зверобой стало ботаническим термином в русском языке и в соответствующем фонетическом оформлении зверобій в украинском языке, говорит не в пользу автора статьи «Из диалектной лексики флоры Рязанской области». Из приведенных точек зрения наиболее убедительным остается довод А. Г. Преображенского.

Рассмотренные нами слова позволяют сказать, что в говорах сохраняются названия трав, известных в народной медицине в XVII—XVIII веках, отдельные из названий вошли в литературный язык как термины.

Примечания:

1) Травник. F—VI, 16.

2) В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

3) Словарь русских говоров Урала. Свердловск, 1964.

4) Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби. Томск, 1964.

5) А. Макаренко. Материалы по народной медицине Ужурской волости Ачинского округа, Енисейской губ. «Живая старина», вып. I—II, СПб., 1897.

6) Травник Q—VI. 39.

7) В. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1897.

8) М. Д. Чулков. Сельский лечебник или словарь врачевания болезней. М., 1789—1790.

9) Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина (по материалам этнографического бюро князя Тенишева). СПб., 1903.

10) Травник F—VI, 16.

11) М. Д. Чулков. Указ. соч.

12) Г. Попов. Указ. соч.

13) А. Макаренко. Указ. соч.

14) Нейштадт. Определитель растений. М., 1957.

15) И. Гришина. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. Уч. зап. Рязанского педагогического ин-та, т. 25, 1959.

Шифры рукописных травников, хранящихся в фонде Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

1. F—VI, 16

2. Q—VI, 39

Список использованных словарей

Афанасьев-Чужбинский А. Словарь малорусского наречия. СПб., 1855.

Б. Д. Гринченко Словарь украинской мови. Киев, 1907.

В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1863—1866.

В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1855.

А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1959.

М. Калинович (ред.) Русско-украинский словарь. Киев, 1962. Словарь русских говоров среднего Урала. Свердловск, 1964. Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1950—1965.

А. В. Старчевский. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию. СПб., 1899.

Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка. М., 1935.

И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1912.

Словарь церковно-славянского и русского языка, СПб., 1847.

Т. ТАРАТОРИНА (Вологда)

Научный руководитель Т. Г. Паникаровская

АРХАИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРА ДЕРЕВНИ ЛЕСЮТИНО НЮКСЕНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая статья написана на основе материалов, собранных нами во время диалектологической экспедиции в деревню Лесютино Нюксенского района Вологодской области летом 1965 года. В статье будут рассмотрены лексические особенности говора деревни Лесютино, а именно архаические элементы диалектной лексики.

В изучаемом говоре преобладают слова, имеющие общенародный характер, то есть известные другим говорам и литературному языку. Однако значителен и слой лексики собственно диалектной. Диалектная лексика содержит немало слов древнего происхождения, восходящих к общевосточнославянской и общеславянской языковым общностям. Эти слова широко употребительны в говоре и сейчас. Их мы и считаем архаическими.

Для выявления архаической лексики мы опирались на данные «Этимологического словаря русского языка» А. Преображенского, М., 1910—1911, М., 1958, а также на «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, I—III, СПб, 1893—1912, М., 1958.

Совершенно прав В. Ф. Житников, полагая, что «причиной сохранения реликтовых славянских и индоевропейских слов в северных говорах является известная обособленность, оторванность говоров от исторически сложившихся центров национального языка и культуры. Не случайно более всего реликтов сохранилось в архангельских и вологодских говорах, которые еще в докапиталистическую эпоху находились в условиях изоляции от средней и южной Руси. Обособленность архангельских и вологодских говоров еще более усилилась после того, как речной путь по Северной Двине, связывающий центр России с границей, перестал быть главным»¹⁾.

Среди архаической диалектной лексики преобладают имена существительные. Примеры: *пóдволока* — чердак, *пóжня* — заливной луг, сенокос, *зимóвка* — зимнее жильё, *ви́ца* — прут, хворостина, *рукомóйка* — медный сосуд для мытья рук,

зобѣнка — корзина для грибов и ягод, *испѣтка* — нижняя рубашка, *батѣг* — палка, *вехѣть* — старое полотенце, *перелѣк* — луг между двумя паханными полями, *прѣсница* — прялка, *скрѣта* — одежда, *гѣба* — гриб, *пѣсва* — пастбище.

К группе глаголов относятся в нашей картотеке слова: *бѣать* — говорить, *ѣркать* — кричать, звать, *рѣбѣть* — работать, *расклевѣть* — довести до слез и др.

Диалектных слов, принадлежащих к другим частям речи, сравнительно немного. Это прилагательные: *лоньскѣй* — прошлогодний, *пѣлый* — пустой, наречия: *сѣйгод* — в этом году, *кѣпотно* — пыльно, *вѣдро* — ясная погода.

Охарактеризуем некоторые архаические имена существительные.

Пѣжня — заливной луг, сенокос. Косят ходили напѣжн'у.

Д. Н. Ушаков²⁾ пишет: *пѣжня* — покос, луг (областное). И. И. Срезневский³⁾ отмечает это слово в значениях «нива, пашня, луг, покос» в составе древнерусского языка, иллюстрируя это слово примерами из памятников XII века. Основываясь на данных «Этимологического словаря русского языка» А. Преображенского⁴⁾, мы можем сказать, что корень этого слова является по происхождению общеславянским. В. И. Даль⁵⁾ отмечает, что слово *пѣжня* в значениях «покос, сенокос, луга низменные» бытует в северных и восточных говорах, в значении «нива, засеянная пашня» — в архангельских говорах. А. Подвысоцкий зафиксировал это слово в архангельских говорах: *пѣжня* — «сенокосный луг».

Зимѣвка — утепленная часть дома, в которой жили зимой. *Зимѣймы* *взимѣфк'э* жив'ѣм, атоп'эр'там н'эжив'ѣт нихтѣ.

Д. Н. Ушаков⁸⁾ приводит это слово с пометой «областное»: *зимѣвка* — «зимнее помещение». С этим же значением отмечает данное слово и «Словарь современного русского языка» в четырех томах (Государственное издательство иностранных и национальных словарей, М., 1957, 1, стр. 838). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского читаем: *зимѣвка* — то же *зимѣвище* — «зимнее жилье». Слово известно древнерусскому языку с XIII века. В слове *зимѣвка*, несомненно, общеславянский корень *ЗИМ*⁹⁾. В. И. Даль¹⁰⁾ замечает, что в ярославских говорах слово *зимѣвка*, в нижегородских, костромских — *зимница* означает — «скотная и в то же время жилая изба». Слово *зимѣвка* известно ряду вологодских говоров, иногда с иным, чем в нашем

говоре значением. Например, в Никольском районе слово отмечено, по нашим наблюдениям, в значении «помещение, где живут весной».

Гоб'эц' — настил над запечьем, на котором спали. *Сл'ас'ко м'йлаи наг'об'эц'*.

В древнерусском языке¹¹⁾ это слово имело, по-видимому, более широкое значение, чем в изучаемом говоре, так как означало «отгородку вообще». По мнению А. Преображенского¹²⁾, слово *го́лбец* было заимствовано русским языком из германских языков. В. И. Даль¹³⁾ отмечает это слово в восточных и сибирских говорах в значении «примост, чулан в избе между печью и полатями», припечье со ступеньками для входа на печь, с полочками внутри, с дверцами и с лазом в подполье», в ярославских говорах это слово употребляется, — пишет В. И. Даль, — в тех же значениях, но голбец устраивается не у входа, а за перегородкой, в стряпной, за печью. А. Подвысоцкий¹⁴⁾ зафиксировал слово *го́бец* в значениях «деревянный настил, вроде полатей, приделанный к печи, под которым устраивается ход в подполье» — в архангельских говорах. Н. М. Васнецов¹⁵⁾, имея в виду вятские говоры, пишет: *го́лбец, го́лбеч* — небольшие полатцы между печью и полатями над лестницею в подполье. Лестница на печь и полати идет через голбец. Слово известно ряду вологодских говоров¹⁶⁾.

Нови́на — целина или давно не паханная земля: *хор'ош л'он рос на нови́нах*.

И. И. Срезневский¹⁷⁾ отмечает, что это слово было известно древнерусскому языку XIII века. Опираясь на данные словаря А. Преображенского¹⁸⁾, можно утверждать, что корень НОВ, от которого образовано характеризующее слово, является общеславянским или даже общеиндоевропейским по происхождению. Слово известно ряду севернорусских говоров. Г. Куликовский¹⁹⁾ зафиксировал слово *нови́на* в олонечких говорах со значениями: «1. Новый, недавно молотый хлеб. 2. Подсечная нива, засеянная хлебом». Н. М. Васнецов²⁰⁾ находит слова *нови́на, но́вь* — «новая распашка» в вятских говорах.

Сум'от — сугроб: *зай'эхали но́ч'йу вн'эвыла́зный сум'от*.

Слово *сумёт* в значении «сугроб» с пометой «областное» отмечает Д. Н. Ушаков²¹⁾. И. И. Срезневский²²⁾ свидетельствует, что в древнерусском языке слово *сумет* имело то же зна-

чение, с каким оно известно сейчас в говорах, а именно «сугроб, снежный холм». Это слово отмечено памятниками письменности уже в XII веке. В словаре В. И. Даля читаем: *суметь*, в восточных говорах, — «метель, вьюга», *сумёт* — «сугроб, снежный занос, нанесенный ветром бугор снега, холм, могила». С этими же значениями слово известно архангельским²⁴⁾ и вятским²⁵⁾ говорам.

Охарактеризуем арханческую глагольную лексику.

Бáйат' — говорить, рассказывать. Пошто́ ты н'эбáйэш айá н'эзнáйу ц'эвó бáйат'.

Со значением «говорить» слово *бáять* известно олонечким²⁶⁾, вятским²⁷⁾ и ярославским²⁸⁾ говорам. В «Словаре русского языка» в четырех томах (Государственное издательство иностранных и национальных словарей, М., 1957, I, стр. 46) читаем: *бáять, бáю, бáет* — «говорить» — «областное».

И. И. Срезневский²⁹⁾ отметил в древнерусском языке слово *бáяти, бáю* со значением «рассказывать басни, выдумки, баснословаить». В. И. Даль³⁰⁾ отмечает слова *бáить, бáять, бáйкачь, бáивать* с пометой северные, восточные, западные говоры — «говаривать, болтать, беседовать, толковать». Местами, — замечает В. И. Даль, — слово *бáить* употребляется в значении «шептать, знахарить, заговаривать», в южных говорах — «манить, скликать, подзывать, охотясь на птицу». В вологодских говорах в значении «беседовать, занимая разговорам», употребительно и слово *баюнить*.

Рóбит' — работать: нóнц'это поуд'эла бáбамто рóбит' н'эс'эрпом жат'.

И. И. Срезневский³¹⁾ отмечает в древнерусском языке следующие значения слова *рóбить*: «1. поработать, обращаться в рабство, 2. работать, исполнять работу». Слово является общеславянским по происхождению³²⁾. В. И. Даль³³⁾ пишет: *рóбить* — «работать, делать», *рóбить, рóблить* — о черной крестьянской работе — архангельские, вологодские, пермские, олонечские, вятские, рязанские, сибирские, смоленские говоры — «работать, делать, трудиться». Со значением «делать, работать» слово *рóбить* отмечают Г. Куликовский³⁴⁾ в олонечких говорах, А. Подвысоцкий³⁵⁾ в архангельских, Н. М. Васнецов³⁶⁾ в вятских, Г. Г. Мельниченко³⁷⁾ в ярославских говорах.

К числу арханческих принадлежат также глаголы: *áркать* — «кричать, просить», *раскливítь* — «расстроить (о человеке)», *клевáться* — «жалить, кусаться».

Охарактеризуем прилагательное, относящееся к лексике древней по происхождению.

Лон'скóй — прошлогодний: *лон'скóй* хоро́ш быу умина́ м'отто.

С тем же значением, что и в нашем говоре, это слово отмечено у В. И. Даля³⁸). И. И. Срезневский³⁹) отмечает слово *лоньскóй* в значении «прошлогодний» в древнерусском языке. Он пишет, что слово произошло от слова лони — «в прошлом году». Слово лони является, несомненно, общеславянским по происхождению⁴⁰), Слова *лонісь*, *лон'скóй* известны олонецким⁴¹) и вятским говорам⁴²). Упомянутые слова известны и ряду вологодских говоров. По данным А. С. Ягодинского⁴³), они отмечены в Чарозерском районе, а по нашим наблюдениям, слово *лоньскóй* в значении «прошлогодний» бытует в Нюксенском, Грязовецком, Тотемском, Сокольском районах.

Сравнительный анализ значений архаических диалектных слов нашего говора со значениями соответствующих слов древнерусского языка показывает, в каком направлении произошло изменение значений этих слов.

Во-первых, среди архаических диалектных слов имеются такие, которые и сейчас сохраняют в говоре те значения, какие они имели, судя по данным словаря И. И. Срезневского, в древнерусском языке. Таковы, например, слова: *сумёт* — «сугроб», *лоньскóй* — «прошлогодний», *рóбить* — «работать».

Вторую группу составляют диалектные слова, значения которых являются более узкими по сравнению с древнерусским языком, таковы, например, слова: *гóбец* — «настил над запечьем, на котором спали», в древнерусском языке — «отгородка вообще», *рукомóйка* — «медный сосуд с горлышком для мытья рук», в древнерусском языке — «кувшин для умывания».

Наконец, среди диалектных слов имеются такие, значения которых шире, чем в древнерусском языке. Таковы, например, слова: *ба́ять* — «говорить вообще», в древнерусском языке — «рассказывать сказки».

Наши наблюдения над собственно диалектной лексикой деревни Лесютино позволяют сделать следующие выводы:

1. Значительную часть лексики изучаемого говора, в том числе лексики собственно диалектной, составляют слова древние по происхождению, архаические, многие из них восходят

не только к древнерусскому языку, но и к языку общеславянскому.

2. Ряд слов сохраняет в нашем говоре именно те значения, которые эти слова имели в древнерусском языке. Некоторые слова известны в говоре с более узким, чем в древнерусском языке, значением. Значения других слов в процессе развития говора, наоборот, расширились.

3. Очевидна тесная связь диалектной лексики данного говора с диалектной лексикой архангельских, олонецких, вятских и ярославских говоров севернорусского наречия.

4. Многие диалектные слова, зафиксированные в данном говоре, распространены в других районах Вологодской области, что свидетельствует о взаимосвязи и общности говоров Вологодской области, о единстве их формирования и развития.

Примечания:

1) В. Ф. Житников. Арханческие элементы в диалектной лексике. Сб. «Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания», Пермь, 1964, стр. 129.

2) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка, М., 1935—1940, т. III, стр. 477.

3) И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. I—III, СПб., 1893—1912, М., 1958, т. III, стр. 223.

4) А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, М., 1958, стр. 223.

5) В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. III, М., 1955, стр. 223.

6) А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 128.

7) Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, стр. 86.

8) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь, I, стр. 1100.

9) А. Преображенский. Этимологический словарь, стр. 259.

10) В. И. Даль. Толковый словарь, стр. 682.

11) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, I, стр. 542.

12) А. Преображенский. Этимологический словарь, стр. 138.

13) В. И. Даль. Толковый словарь, I, стр. 366.

14) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 32.

15) Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря Вятского говора, Вятка, 1907, стр. 50.

16) См., напр., Н. С. Аверкиев. Некоторые данные о говоре деревни Высоково. «Диалектологический сборник» под редакцией А. С. Ягодинского, вып. I—II—III, Вологда 1941, 1942, 1945, вып. I, стр. 37.

17) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, II, стр. 458.

18) А. Преображенский. Этимологический словарь, стр. 609.

19) Г. Куликовский. Словарь, стр. 65.

20) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 156.

- 21) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь, IV, стр. 591.
 22) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, III, стр. 1549.
 23) В. И. Даль. Толковый словарь, IV, стр. 360.
 24) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 84.
 25) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 56.
 26) Г. Куликовский. Словарь, стр. 3.
 27) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 14.
 28) Г. Г. Мельниченко. Краткий областной ярославский словарь, Ярославль, 1961, стр. 10.
 29) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, III, стр. 126.
 30) В. И. Даль. Толковый словарь I, стр. 39.
 31) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, III, стр. 126.
 32) А. Преображенский. Этимологический словарь, стр. 169.
 33) В. И. Даль. Толковый словарь, IV, стр. 97.
 34) Г. Куликовский. Словарь, стр. 100.
 35) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 162.
 36) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 275.
 37) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 97.
 38) В. И. Даль. Толковый словарь, III, стр. 266.
 39) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, II, стр. 46.
 40) А. Преображенский. Этимологический словарь, I, стр. 463.
 41) Г. Куликовский. Словарь, стр. 50.
 42) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 24.
 43) А. С. Ягодинский. Народные говоры Чарозерского района Вологодской области. Диалектологический сборник под редакцией А. С. Ягодинского, вып. I, Вологда, 1941, стр. 84.
 44) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, III, стр. 194.

Л. КОНЫКИНА (Череповец)

Научный руководитель Ю. И. Чайкина

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА БЕЛОЗЕРСКИХ ГОВОРОВ (НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ)

Общезвестно, что словарный состав любого говора включает в себя две неравные части. Основная, подавляющая часть слов входит в лексическую систему общенародного языка. В этой части проявляется единство говора с общенародным языком. Меньшую часть слов составляет в говоре местная, специфическая лексика, неизвестная словарному составу общенародного языка. Рассматривая лексические особенности говоров, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что словарный состав говоров складывался на протяжении мно-

гих веков. Так, например, по говорам широко распространена (несколько по-разному в разных говорах оформленная) очень богатая и детализированная терминология, характеризующая семейные отношения, хозяйственные постройки, имена, одежду. Так как эта лексика изучена недостаточно, то любые, даже небольшие описания состава ее могут быть предметом внимания.

Если раньше местные говоры обладали большей самостоятельностью, то в настоящее время почти полная грамотность и быстро повышающийся культурный уровень всех слоев населения привели к тому, что местные диалекты постепенно утрачивают свою обособленность. Они уже не оказывают на литературный язык большого влияния, но все же пополняют его отдельными словами.

Бытовая лексика белозерских говоров, связанная с одеждой, также имеет свою историю.

Развитие слов, являющихся названиями одежды, наиболее тесно и прямо связано с изменениями в общественной жизни носителей говора. Диалектные слова различны по происхождению. Одни из них «восходят,—как замечает Ф. П. Филин,— к глубокой индоевропейской древности, другие ко времени общеславянской общности, третьи были общенародными в древнерусскую эпоху и эпоху Московской Руси, а теперь сохранились только в отдельных говорах, имеется также немало новообразований позднего времени. В диалектной лексике значительную прослойку составляют слова, заимствованные на разных этапах истории русского народа местным населением у иноязычных соседей, не получившие общерусского распространения или утратившие свой прежний общерусский характер»¹⁾.

Материалом данной работы является диалектная лексика, собранная членами диалектологической экспедиции в Вологодской области, в селах: Дмитриевское, Шола, Ферапонтово.

Верхняя одежда. До начала XX века в говоре с Дмитриевское любая верхняя одежда именовалась словом *оболочка*. В памятниках древнерусской письменности²⁾ отмечены глаголы: *оболочити* — «одеть», *оболочиться* — «одеться». Слово *оболочка* восходит к общеславянскому корню. В церковнославянском — *облачение* — суффикс — *ение* — книжный, в говоре — суффикс — *к* — разговорный. Однокоренные слова отме-

чены во многих говорах севера, в том числе, в ярославских ³⁾, в архангельских ⁴⁾ и др.

Разнообразны названия разных видов верхней одежды в наших говорах. Слова общеславянского языка составляют значительную часть бытовой лексики говора с. Дмитриевское. Ряд таких слов является принадлежностью не только русского языка, но и других славянских языков.

Например, *світка* — летний домотканый жакет с подкладкой. Оно отмечено не только в древнерусском и старославянском — *свита*, но и в украинском — *свитка*, польском — *swita*, сербском — *свита*. А. Преображенский ⁵⁾ предполагает, что слово свитка пришло к нам из польского. В древнерусском языке оно было общеупотребительным ⁶⁾. В настоящее время оно стало узко местным, диалектным (отмечено, кроме с. Дмитриевского, в с. Коркучи): «Да как мы шили світки, *нитка* шерсти да нитка льна, но делали так, чтоб ниже колена было».

Поніток — летний домотканый жакет без подкладки. «Просушить бы надо *поніток-то*, кабы моль не съела его. У меня *поніток* был с фантиком» (т. е. жакет, расклешенный сзади по талии). Корень этого слова общеславянского происхождения. В словаре В. И. Даля ⁷⁾ находим такое толкование этого слова: «старинный длинный кафтан, у которого основа нитяная а уток из шерсти» (*уто́к* — поперечная нитка в холсте).

Слова *свитка*, *пониток* называют ушедшие из жизни реалии, поэтому в современных словарях говоров они являются архаическим пластом лексики.

В бытовой лексике (названия верхней одежды) имеются слова, заимствованные из других языков.

Заимствования раннего времени

1. Из греческого: *сак* ⁸⁾ — в наших говорах со значением «длинное пальто с подхватом, на меху». «Раньше-то старики *са́ки* носили баские».

2. Из тюркских языков слова проникали в результате ранних торговых и культурных связей; среди тюркских заимствований больше всего слов из татарского языка. Например: *казачо́к* — кофта, сшитая по фигуре. — *Казачо́к* у бабушки в обтяжку был». Наряду со словом «*казачо́к*» в с. ФерAPONTOVO употребляется еще и слово *казачина* — мужская куртка с бо-

рами по талии. Оба слова имеют один корень *казак* плюс словообразовательный суффикс — *ок* или — *ин*. Интересно, что в слове *казакъ* в значении «наемный рабочий» зафиксировано в белозерских памятниках 15—17 веков.

Займствования более позднего времени

Женская одежда всегда отличалась большим разнообразием названий. В наши дни сохранились лишь какие-то осколочки названий, но они дают нам все-таки определенную картину.

Гейша — женское полупальто. Откуда пришло это слово в говоры и когда, установить не удалось, т. к. его толкования нет ни у В. И. Даля, ни у И. И. Срезневского, ни у А. Г. Преображенского, но в «Словаре иностранных слов»⁹⁾ отмечено что *гейша* — слово японского происхождения, обозначающее профессиональную танцовщицу и певицу в чайных домиках (кабачках) Японии. Может быть, это омонимы? А может быть, слово заимствовано из японского языка, как и кимоно? Вопрос так и остается пока не решенным. Слово записано в селах Дмитриевское и Ферাপонтово, но отмечает его и Г. Г. Мельниченко в Ярославской области в форме дейша¹⁰⁾.

Юбка с кофтой в с. Дмитриевском называются словом *пара*, очевидно, оно пришло из немецкого языка (Даль)¹¹⁾. Отмечено оно и в архангельских говорах. А. Подвысоцкий пишет: ...«как обычная одежда *пара* уже вышла из употребления, и девушки надевают ее иногда только в большие праздники на гулянье»¹²⁾. Так-то уж баско, парато басито, как наша краля материнску *пару* надела.

Довольно часто диалектные слова, называющие женскую одежду, являются узко местными. В соседних говорах (на расстоянии 50—80 км), одни и те же понятия могут выражаться разными словами. Тем самым, диалектная лексика может выступать в составе междиалектных синонимических рядов: в северных белозерских говорах (Шола) *красік* означает сарафан из пестрой домотканой материи: «Бывало в лесу до цево доработаёш, дак *красік* так колóm и станёт». А в средних белозерских говорах (с. Дмитриевское) находим слова: *сарафан* и *горба́стик*, причем слово *горба́стик* имеет лишь узко местное распространение, не отмечается ни одним из словарей. Каково же происхождение этих слов: Слово *сара-*

фан — «род женского платья» считают заимствованным из персидского (*segara*), но откуда *ф*? Из персидского следовало бы ожидать *сера* — *па-нъ*. По мнению А. Г. Преображенского,¹³⁾ пришло оно не прямо из персидского, а через какое-нибудь тюркское посредство. Слова *сарафан* и *горбастик* обозначают разные реалии: отличие сарафана от горбастика состоит в том, что у сарафана сзади спина открыта полностью, а у горбастика имеется небольшая спинка (до лопаток), может, потому, что закрыта спина (горб), платье и получило соответствующее название. «Делали *сарафан* дмоткный набивной — земля синяя белым крапинкам, да еще много сборочек по талии».

* * *

Рассмотренная группа слов наиболее тесно связана с изменениями в экономической жизни носителей говора. Почти все эти слова обозначают ушедшие из жизни реалии, это архаический пласт традиционной местной лексики, который в современных говорах находится в пассивном запасе говорящих.

Значительная часть этой лексики славянского происхождения, своими корнями она уходит в далекое прошлое (*оболочка, свитка, пониток*). Характерно, что многие из этих слов были в древнерусском языке общеупотребительными. Наш белозерский говор сохранил эти архаизмы, ставшие узкоместными.

Представленный материал позволяет отметить, что в течение XIX в. — начала XX в. происходило пополнение этой группы местных слов за счет литературного языка (*дипломат, пальто, ластик*) и за счет заимствований (*сак, фата, гейша*).

Примечания:

1) Ф. П. Филин. Словарь русских народных говоров, вып. I, М.—Л., 1965, стр. 5—6.

2) И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III, СПб., 1892—1912, М., 1958, II, стр. 534.

3) Г. Г. Мельниченко. Краткий областной ярославский словарь, Ярославль, 1961, стр. 128.

4) А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, СПб., 1885, стр. 105.

5) А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1914, М., 1958, II, стр. 262.

6) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, III, стр. 275.

7) В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. I—IV, М., 1955, т. IV, стр. 287.

- 8) А. Преображенский. Этимологический словарь, II, стр. 245.
9) М., 1954, стр. 158.
10) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 58.
11) В. И. Даль. Толковый словарь, III, стр. 17.
12) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 116.
13) А. Г. Преображенский. Этимологический словарь, II, стр. 252.

Т. ПЛЕХАНОВА (Вологда)

Научный руководитель Т. Г. Паникаровская

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА ДЕРЕВНИ БАРХАТОВО КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Данная статья написана на основании лексических материалов, собранных во время диалектологической экспедиции в Кирилловском районе Вологодской области летом 1965 года.

В деревне Бархатово упомянутого района нами было зафиксировано свыше 600 собственно диалектных слов.

«Для решения общего вопроса о становлении и развитии лексической системы тех или иных говоров, — пишет О. П. Беляева, — необходимо прежде всего изучить специфическую часть лексики диалектов, закономерности ее изменения, пути и способы пополнения в процессе формирования и дальнейшего развития диалектов»¹⁾).

Среди собственно диалектных слов в нашем говоре преобладают слова, которых литературный язык в современном его состоянии не знает, а также слова, известные литературному языку с иным, чем в говоре, значением.

Среди диалектной лексики значительное место принадлежит лексике бытовой. Целью нашей статьи и является характеристика бытовой лексики говора деревни Бархатово.

Среди бытовой лексики преобладают имена существительные. Зафиксированы также и глаголы. Охарактеризуем, во-первых, имена существительные. Выделим следующие семантические группы:

1. *Лексика обуви*. В эту семантическую группу входят слова: *обúтка, кóтики, ступни*. Охарактеризуем их.

Слово *обúтка* употребляется в значении *обувь*. Например: *жа́лко было обúтки*.

Указанное слово с этим же значением встречается, по данным областных словарей²⁾, а также «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля³⁾, в архангельских, вятских, олонекских, ярославских говорах.

Кóтики — женские туфли. Существительное употребляется только во множественном числе: она *кóтики* нес'ёт.

У В. И. Даля⁴⁾ об этом слове читаем следующее: *кóты, кóтики* — женская обувь, род полусапожек, ботинок, башмаки с высокими передами; мужская верхняя обувь, калоши. В. И. Даль указывает, что в вологодских говорах это слово значит — берестяные лапти с оборотами. Анализируемое слово известно архангельским говорам⁵⁾ со значениями: 1) обшиваемые башмаки вроде полуботинок; 2) сапоги из толстой юфти с твердыми голенищами и выворотными подошвами без ранта. Слово «*кóты*» встречается в вятских говорах⁶⁾ со значением «башмаки», а в олонекских⁷⁾ — «деревянные башмаки с черною или красною отбрючкою».

Ступнá — лапти. Существительное употребляется только во множественном числе.

С этим же значением упомянутое слово известно, по данным Г. Г. Мельниченко,⁸⁾ ярославским и, по свидетельству Г. Куликовского,⁹⁾ олонекским говорам. Со значением «женские башмаки» слово отмечено в архангельских говорах.

Кáтаники — валенки. Вáл'энки унас *кáтаники*.

По данным областных словарей, это слово со значением «валенки» распространено в олонекских¹⁰⁾ и ярославских говорах¹¹⁾.

По данным «Диалектологического сборника» под редакцией А. С. Ягодинского¹²⁾, слово *кáтаники* известно ряду вологодских говоров. В говоре изучаемой деревни упомянутое слово сосуществует с литературным синонимом — валенки.

2. Следующую семантическую группу бытовой лексики составляет *лексика одежды*. Охарактеризуем в этой группе слова: *оболо́ц'ка, испóтка, клéтошник*.

Оболо́ц'ка — одежда вообще как родовое понятие: нас'эб'á *оболо́ц'ки* н'эбыло.

Слово известно многим северно-русским говорам. В архангельских говорах¹³⁾ *оболо́чка* — верхняя одежда (значение более узкое, чем в обследованном говоре), в олонекских¹⁴⁾ и ярославских¹⁵⁾ — одежда вообще, как и в нашем говоре. Сло-

во оболочка бытует во многих районах Вологодской области¹⁶).

Испотка — рукавица (любая) шерстяная, кожаная с одним пальцем: йа скор'эйэ рот *испоткой* закрыла.

Более узкое значение этого слова находим в олонечских говорах¹⁷), а именно: *исподка* — шерстяная рукавица с одним пальцем, надевается под кожаную для того, чтобы не мерзла рука.

В Вологодских говорах, например, чарозерских и вожегодских, слово *испотка* известно в значении, «холщовые из материи, а также вязаные шерстяные рукавицы с одним пальцем».

Клётошник — головной платок в клетку. К сожалению, нам не удалось выяснить, называют ли словом *клётошник* только домотканый платок в клетку или также платок фабричного производства.

3. В третью семантическую группу объединяем слова, являющиеся названием *мучных изделий*. В этой группе охарактеризуем слова: *шаньга*, *толокнник*, *рогúлька*, *мушник*.

Шан'га — пресная лепешка (типа олады) из любой муки, сверху помазанная маслом.

Это слово, широко распространенное в нашей области, известно многим северным говорам, в частности, архангельским¹⁹), вятским²⁰), олонечским²¹).

В. И. Даль²²) указывает, что слово «*шаньга*» является северным, восточным, сибирским.

Толокнник — пирог с толокном. йэшт'э нашы *толокники*.

Это слово с иными значениями нам удалось обнаружить только в словаре вятских говоров. Н. М. Васнецов²³) указывает следующие значения: 1) выделявающий, приготавливающий толокно, 2) любящий есть толокно; 3) так вообще называют вятчан.

Рогúлка — пресный пирог с начинкой из картофеля.

В словаре В. И. Даля²⁴) приводятся слова *рогúша*, *рогúшка*, *рогúлька* — «ватрушка с рожками по краям» с пометой: новгородское, тверское, псковское; слово *рогúлька* зафиксировано также в ярославских говорах, где оно значит «открытый пирог с творогом, кашей»²⁵).

Мушник — пресный пирог без начинки. Данное слово употребляется в говорах с различными значениями. По свиде-

тельству В. И. Даля²⁶), в архангельских говорах — *мушник* — большая деревянная чашка для катанья хлебов; в ярославских — чулан, амбар; в северных — печеный яровой хлеб, пшеничный или ячный; ржаной пирог, или пшеничная лепешка в виде ватрушки, политая ячным тестом; в пермских, сибирских — *мучник*. В олонецких говорах, по данным Г. Куликовского²⁷), *мучник* — жидкое тесто из ячменной, гороховой или овсяной муки, налитое в большой блин и запеченное в печке.

4. Четвертую семантическую группу составляют слова — названия построек и предметов домашнего обихода. Из числа слов, входящих в эту группу, охарактеризуем слова: *прилѹб*, *грядка*, *пестѣрка*.

Прилѹп — часть крестьянской избы, занятая под кухню и отгороженная от остальной части избы тесовой перегородкой. Например: тут избихѹжу фприлѹб'э.

В словаре В. И. Даля²⁸) об этом слове читаем: *прилѹб* (с пометой — олонецкое) — переборка, перегородка, разгородка.

В олонецких говорах, по данным Куликовского²⁹), слово «*прилѹб*» употребляется в значении «небольшая комната, отгороженная в крестьянской избе от кухни».

Со значением «отгороженное у печки место, где хозяйка готовит», зафиксировал слово «*прилѹб*» в говорах бывшего Чарозерского района Вологодской области и А. С. Ягодинский³⁰).

Гр'атка — вешалка, длинный шест, подвешенный на веревках к потолку.

С упомянутым значением слово встречается в архангельских³¹), вятских³²), олонецких³³) говорах. В ярославских говорах³⁴) слово *грядка* имеет несколько значений, в том числе: «жердь перед печкой для просушивания вещей»!

П'ес'т'ѹрка — небольшая корзинка с ручкой; служит для ягод и грибов. Ее носят в руках.

Слово «*пестѣрка*», а также слово «*пестѣрь*» с этим же или близкими значениями встречается в тамбовских, тверских, архангельских, курских, орловских говорах³⁵). А. Подвысоцкий³⁶) пишет: *пѣстерь*, *пѣхтерь* — плетенный из бересты короб для собирания ягод и грибов, а также для помещения не слишком тяжелой ноши, его носят и на руках и на лямках за

плечами. В ярославских говорах³⁷⁾ зафиксированы следующие значения: *пестёрка*: 1. ранец из бересты; 2. корзинка для грибов. В вятских говорах³⁸⁾ *пестёрь* — сплетенный из лыка кулек, который носят на спине наподобие ранца. Это же значение имеет слово «*пестёрь*» в олонечких³⁹⁾ говорах.

Среди диалектных существительных, относящихся к разряду бытовой лексики, имеются слова, которые нам не удалось обнаружить ни в словарях современного русского литературного языка, ни в одном из просмотренных нами областных словарей севернорусских говоров. Возможно, они являются типично вологодскими или даже характерными лишь для говоров Кирилловского района Вологодской области. Приведем примеры таких слов.

Остр'эп'энник — булочка, испеченная из ржаной муки: б'эри́т'э на́шы *остр'эп'энники*; *карто́уник* — пирог из ржаной муки с картофелем; *потр'áпка* — постный суп: ул'уд'эй суп, у нас *потр'áпка*.

Значительно меньшую группу по сравнению с группой существительных составляют диалектные глаголы. Охарактеризуем их.

Паха́т' — 1. Подметать пол: ба́бушка йа ту́то паха́у; 2) разгрести: *пахáт'* сн'эк.

От глагола *пахáть* «мести» в нашем говоре образовано существительное *пáхолка* — пучок перьев, которым подметают в печи: *пáхолка* п'эц'на́йа.

Упомянутое слово отмечено в ряде вологодских говоров, в частности, в говорах Пришекснинского района⁴⁰⁾. В значении «мести» глагол *пахáть* известен многим говорам севернорусского наречия⁴¹⁾.

Обр'эжа́ц'ц'а — вести домашнее хозяйство.

В. И. Даль⁴²⁾ пишет: «Обрядать, обрядить — убирать, избихаживать, оправлять, приводить в должный вид». Слово *обряжа́ть* (*ся*) известно архангельским говорам со значениями: 1) одевать (*ся*), наряжаться; 2) снаряжать, изготовлять, убирать, управляться с работой⁴³⁾. В олонечких говорах⁴⁴⁾ слово *обряжа́ться* — значит хозяйничать; *обряди́ть* — спрятать, привести в порядок, прибрать. В ярославских говорах⁴⁵⁾ слово *обряжа́ть* значит: 1) давать корм скоту; 2) ходить за скотом.

Некоторые выводы

1. Так называемая бытовая лексика деревни Бархатово богата диалектными словами. Особенно многочисленны в этой группе имена существительные. Они образуют различные семантические разряды.

2. Большинство диалектных слов, входящих в группу бытовой лексики, как свидетельствует сопоставление с данными областных словарей, имеет широкое распространение на территории северно-русского наречия, в частности, прежде всего, в архангельских, олонечких, вятских, ярославских говорах.

3. Многие из анализируемых слов широко известны вологодским говорам, что свидетельствует об их лексическом единстве.

4. Немногие диалектные слова характерны, по-видимому, только для вологодских говоров.

Примечания:

1) О. П. Беляева. Лексика, связанная с обозначением земельных участков. Сб. «Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания», Пермь, 1964, вып. I, стр. 93.

2) А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб, 1885, стр. 106. Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря Вятского говора, Вятка, 1907, стр. 170. Г. Куликовский. Словарь олонечского наречия, СПб, 1898, стр. 68. Г. Г. Мельниченко. Краткий областной ярославский словарь, Ярославль, 1961, стр. 129.

3) В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. II, СПб, 1880—1882, М., 1955, стр. 628.

4) В. И. Даль. Толковый словарь, II, стр. 179.

5) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 173.

6) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 113.

7) Г. Куликовский. Словарь олонечского наречия, стр. 42.

8) Г. Г. Мельниченко. Краткий областной ярославский словарь, стр. 195.

9) Г. Куликовский. Словарь, стр. 115.

10) Г. Куликовский. Словарь, стр. 34.

11) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 85.

12) Диалектологический сборник под редакцией А. С. Ягодинского. вып. I, Вологда, 1941, стр. 32.

13) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 105.

14) Г. Куликовский. Словарь, стр. 68.

15) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 128.

16) См., напр., «Диалектологический сборник» под ред. А. С. Ягодинского, вып. I, стр. 173.

17) Г. Куликовский. Словарь, стр. 32.

- 18) Диалектологический сборник под редакцией А. С. Ягодинского. вып. I, стр. 73, вып. II, стр. 83.
- 19) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 191.
- 20) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 348.
- 21) Г. Куликовский. Словарь, стр. 39, 135.
- 22) В. И. Даль. Толковый словарь, IV, стр. 621.
- 23) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 317—318.
- 24) В. И. Даль. Толковый словарь, IV, стр. 100.
- 25) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 176.
- 26) В. И. Даль. Толковый словарь, II, стр. 358.
- 27) Г. Куликовский. Словарь, стр. 97.
- 28) В. И. Даль. Толковый словарь, III, стр. 423.
- 29) Г. Куликовский. Словарь, стр. 92—93.
- 30) Диалектологический сборник, вып. I, стр. 75.
- 31) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 35.
- 32) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 54.
- 33) Г. Куликовский. Словарь, стр. 17.
- 34) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 56.
- 35) В. И. Даль. Толковый словарь, III, стр. 104.
- 36) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 120.
- 37) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 144.
- 38) Н. М. Васнецов. Материалы для словаря, стр. 208.
- 39) Г. Куликовский. Словарь, стр. 81.
- 40) Диалектологический сборник, вып. II, стр. 40.
- 41) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 116; Г. Г. Мельниченко. Указ. соч. стр. 142; Г. Куликовский. Словарь, стр. 79.
- 42) В. И. Даль. Толковый словарь, II, стр. 618.
- 43) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 106.
- 44) Г. Куликовский. Словарь, стр. 68.
- 45) Г. Г. Мельниченко. Указ. соч., стр. 128.

Т. КРУГЛИКОВА (Свердловск)

Научный руководитель К. И. Демидова

СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АРХАИЧЕСКОГО ГОВОРА с. АЧИТ КРАСНОУФИМСКОГО РАЙОНА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Материалом наших исследований послужила лексика с. Ачит Красноуфимского района Свердловской области. Разположено село на юго-западе нашей области.

В работах уральских диалектологов отмечается своеобразное заселение всего Урала¹⁾. В этом отношении не составля-

ет исключения и местность, в которой мы побывали во время диалектологической экспедиции летом 1966 года.

В начале 18 века Ачит — небольшая деревянная крепость, обеспечившая безопасное сообщение Екатеринбурга с прикамскими заводами (от нападения башкир). Жители крепости были «государевыми поселениями», по-видимому, выходцами из «метрополии» (так обычно называют Европейскую часть России). Жили они очень бедно, поэтому местные татары звали их «голодными собаками». По-татарски это звучит как «ач-ит». Старожилы не дали нам каких-либо точных сведений об этих переселенцах, но можно предположить, что это были выходцы из северных областей Европейской части России. Подтверждением этого является то, что большинство диалектных слов по происхождению — северные: *суслѡн* — малая укладка снопов в поле (см. пометы в «Опыте...»²) — арх; сл. Подв.³); *разболокаться* — раздеваться (см. пометы в «Опыте...» — нижегород., олон., перм.); *завариха* — мучная каша из пшеничной муки (см. сл. Даля⁴) — вят., вост.); *паўт* — слепень, овод, (см. пометы в «Опыте...» — влад., перм.); *зарѡт* — укладка сена на лугу (см. сл. Даля — сев., вост.; сл. Подв.); *вьтъ* — аппетит (сл. Даля — перм., в «Опыте...» — арх., волог., вят., оренб., перм.).

Переходя к непосредственной характеристике лексической системы говора села, отметим, что при сборе лексики мы ориентировались на старшее поколение живущих здесь людей, т. к. диалектная лексика прежде всего используется в речи старшего поколения.

При анализе собранного материала применялся метод семантической оппозиции, т. е. лексико-семантические группы системы исследуемого говора сопоставлялись с эквивалентными группами в других системах языка (в диалектных системах говоров-первоисточников и в системе литературного языка).

В результате этого мы пришли к выводу, что диалектные различия лексической системы говора с. Ачит составляют различия плана содержания и плана выражения.

Примерами различий плана содержания могут служить, например, следующие слова: ср. значение слова *бесѣдка* в говоре с. Ачит (крыльцо, скамейка около дома) и значение этого слова в ярославских говорах (приспособление для сидения в лодке, в повозке — сл. Мельн⁵) и в вологодских (вечерин-

ка, сбор девок с веретеном и куделью в один дом, обычно на всю ночь — см сл. Даля). Ср. также: значение слова *завозня* в говоре с. Ачит (амбар для с/х инвентаря) и значение этого слова в ярославских говорах (большая лодка — см. сл. Мельн); значение слова *дубец* в нашем гороре (бильная часть цепа) и значение этого слова в архангельских говорах (палка, посох — см. сл. Подв.), а также значение этого же слова в севернорусских говорах (прут, розга — см. сл. Даля).

В группу слов, составляющих диалектные различия плана содержания, включаются также слова, имеющие одну форму с литературным языком, но иные значения. Примеры слов этой группы: слово *причёска* в говоре с Ачит имеет значение «гребенка», а в литературной системе языка — «порядок расположения волос на голове, достигаемый причесыванием, стрижкой, завиванием». (см. Академ. сл.⁶). Слово *веселье* в говоре с. Ачит имеет значение «свадьба», а в литературной системе языка — «радостное настроение, жизнерадостность» (см. Академ. сл.) Слово *стая* имеет в нашем говоре значение «огороженное место в поле для скота», в литературной системе языка — «группа мелких животных одного вида (обычно птиц, рыб, собак и т п.), держащихся вместе» (см. Академический словарь). Слово *безработица* в нашем говоре имеет значение «бездельник», а в литературной системе языка — «типичное для капиталистического общества экономическое явление, заключающееся в том, что трудящиеся периодически оказываются без работы» (см. Академический словарь).

Диалектные различия плана содержания составляют также слова, утратившие уменьшительно-ласкательное значение и сохранившие только номинативную функцию. Например, слово *сѣнки* в говоре с. Ачит употребляется со значением «сени»; слово *стакáшки* — со значением «стаканы».

Таким образом, за счет лексико-семантических процессов, проходивших в лексической системе исследуемого говора, образовались диалектные различия плана содержания.

К диалектным различиям плана выражения можно отнести прежде всего слова типа

<i>голицы</i> (Ярославский словарь)	}	сшитые
<i>вácеги</i> (Ачитский говор)		

из простой грубой материи рукавицы;

<i>кошьёвище</i> (Д., орл.)	}	ручка косы
<i>напáлок</i> (Ачит гов.)		
<i>люлька</i> (Ярослав. сл.)	}	колыбель
<i>колыбáлка</i> (Ачит. гов.)		
<i>корéц</i> (Д — южнорус.)	}	ковш для воды
<i>бокáльник</i> (Ачит. гов.)		

Наличие в лексической системе подобной группы слов связано с тем, что в основу создания нового слова в различных диалектных системах положены различные признаки: например, *корéц* — ковш из коры; *бокáльник* — эмалированный ковш.

Диалектные различия плана выражения составляют также слова, называющие одну и ту же реалию, но отличающиеся словообразовательными элементами, например: *снарьд* со значением «наряд» отличается от литературной формы (*наряд*) приставкой «С». — В говоре с. Ачит слово *прихвátка* употребляется со значением «заколка». В других диалектных системах уральских говоров наличествует форма «*прихвáты*» (ср. *прихвátка* — *прихвáты*). Ср. также *письмонóска* — *письмоносец*; *бокáльник* — *бокáл*; *распúта* — *распúтица*.

Таким образом, различия плана выражения приводят к тому, что в нашем диалекте наличествуют специфические, диалектные слова.

На основе анализа различий плана содержания можно отметить три формы лексико-семантических процессов;

1. Расширение значения слова на метонимической основе. Например, слово *лесíна* в яросл. говорах обозначает одно дерево; в говоре с. Ачит *лесíна* — 1) срубленное дерево, 2) лес.

2. Сужение значения на функциональной, метафорической основе (т. е. диалектное слово бытует в нашем говоре с более узким значением по сравнению с русскими говорами «метрополии»).

Приведем несколько примеров: слово *пóмочь* в говоре с. Ачит имеет значение: «помощь в страдную пору», в яросл. говорах — 1) «помощь в страдную пору», 2) «железная изогнутая пластинка, часть косы» (см. сл. Мельн.). Слово *завóзчя* в говоре с. Ачит имеет значение: «сарай для с/х инвентаря», в перм. говорах — 1) «плоскодонная лодка сажени в три», 2) «сарай для с/х инвентаря» (см. сл. Даля). Слово *вéхоть* в нашем говоре имеет значение: «мочало, тряпка для различных

хозяйственных надобностей», а в арх. говорах — 1) ветхая одежда, 2) мочало, тряпка для различных хозяйственных надобностей, 3) подстилка в обуви.

3) Однако в некоторых случаях трудно решить, происходит ли сужение или расширение значения у того или иного слова, поэтому мы выделяем особый случай лексико-семантического процесса: трансформирование значений по сравнению с говорами — первоисточниками. Так, слово *болонó* в говоре с. Ачит употребляется для обозначения трухлявой середины дерева. В сл. Мельниченко (яросл. гов.) это слово дано с иным значением: «опухоль». Ср. также *гóлбец* — в говоре с. Ачит — подполье, *гóлбец* — в яросл. говорах — деревянная пристройка к печи в виде лежанки (см. сл. Мельн.); *завóр* — в яросл. говорах — полевые ворота, *завóр* — в говоре с. Ачит — жердь, которой закладывают проезд в изгороди.

Таким образом, в специфической части лексической системы исследуемого говора можно отметить, во-первых, группу слов, не изменивших своего значения (по сравнению с диалектными системами говоров — первоисточников), во-вторых, слова, составляющие диалектные различия плана содержания и плана выражения.

География этих слов различна, что связано с историей заселения с. Ачит. Например, слова *корéц*, *панíтина* в диалектных словарях даются с пометой — юж. (см. сл. Даля), слова *суслóн*, *выть* — с пометой — арх., волог. (см. сл. «Опыт...»), а слова *завóр*, *болонó* — с пометой — яросл. (см. сл. Мельн.).

Примечания:

1) А. П. Георгиевский. Говоры Урала и Сибири в связи с историей их заселения (рукопись хранится в кабинете русского языка Свердловского пединститута). А. М. Пашковский «О работе над словарем русских говоров Среднего Урала», Сб. «Вопросы современного русского литературного языка, диалектологии и методики». Свердловск, 1930, стр. 175—186. К. И. Демидова. «О некоторых лексико-семантических и словообразовательных процессах в русских говорах Среднего Урала». Сб. «Вопросы истории и диалектологии русского языка». Магнитогорск, 1961, стр. 99—117.

2) «Опыт областного великорусского словаря, СПб, 1852.

3) А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб, 1885.

4) В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1955.

5) Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь, Ярославль, 1961.

6) Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17, изд. АН СССР, 1948—1965.

ДИАЛЕКТНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ГОВОРЕ ДЕРЕВНИ МАЛАЯ ГОРКА НЮКСЕНСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая статья, написанная по материалам диалектологической экспедиции в Нюксенский район Вологодской области в 1965 году, посвящена характеристике диалектной именной лексики.

Говоры Нюксенского района изучены мало, между тем они представляют для диалектологов значительный интерес, так как характеризуются рядом интересных языковых явлений

В лексической системе изучаемого говора значителен слой диалектных (местных) слов. Многие из них широко употребительны как в речи старшего, так и младшего поколений. Наша картотека содержит 316 собственно диалектных слов, среди них преобладают имена существительные. Их мы и охарактеризуем в этой статье.

По грамматическому роду имена существительные делятся в изучаемом говоре, как и в литературном языке, на три класса (мужской, женский и средний род). Например: *зимóфка* — женский род, *наз'ом* — мужской род, *п'эр'эбан'йэ* — средний род.

По признаку грамматического числа все существительные делятся на два класса: на существительные единственного и множественного числа. Большинство имен существительных нашего говора характеризуется наличием как категории единственного, так и множественного числа. Примеры: *зимóфка* — *зимóфки*; *ворóб* — *ворóбы*. Лишь немногие существительные имеют формы только одного числа. Так, например, существительное *хорóмы* употребляется только во множественном числе. Форма единственного числа этого слова говору не известна. Существительные *тúk*, *жаровли́ка* не имеют, наоборот, по нашим наблюдениям, форма множественного числа.

В нашем говоре, как и в литературном языке, имеются три основных типа склонения существительных. Отличия от литературного языка состоят в том, что существительные на *-мя* (*имя* и др.) изменяются в единственном числе по

второму склонению. По второму типу склонения изменяются также существительные мужского рода с суффиксами *-ишк*, *-ушк*, обозначающие лицо: *бáтушко*, *парнiшкo* и подобные. (Заметим, что эти слова не входят в число собственно диалектных).

В отношении падежных форм заметим следующее: отклонения от норм литературного языка наблюдаются в формах единственного числа существительных третьего склонения. Существительные этого склонения имеют в дательном и предложном падежах единственного числа окончание *Е*: *п'эч'э*, *лошад'э*. Отметим совпадение падежных окончаний дательного и творительного падежей множественного числа в окончании дательного падежа, например: *пирок згрибám*, *топили дровám*.

По значению зафиксированные нами собственно диалектные существительные можно разделить на такие группы: лексика, связанная с кустарной (домашней) обработкой льна; лексика бытовая; лексика растительного мира; кроме того, имеются слова, которые не входят ни в один из этих семантических разрядов. Охарактеризуем каждую из этих групп.

1. *Лексика, связанная с кустарной обработкой льна*. К этой группе относятся, например, следующие существительные:

Вороб — инструмент для обработки льна: *воробоф* тожо топ'эр' н'эту.

В. И. Даль¹⁾ пишет: «*вороба* — снаряд для размота прижи». Слово *вороб* в значении «снаряд для наматывания ниток с мотка на клубок» известно ряду севернорусских говоров, в частности, оно отмечено, по данным областных словарей, в архангельских²⁾, олонецких³⁾ и вятских⁴⁾ говорах.

Струб'ци — стержень, на котором вьют лен: сиц'ас н'эт уш *струп'ц'обфo*.

Это слово зафиксировано только в форме множественного числа. Оно выходит из активного употребления в связи с тем, что исчезает предмет, им называемый, а это, в свою очередь, связано с тем, что домашняя обработка льна уже не имеет такого широкого распространения, как прежде. В «Толковом словаре современного русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова⁵⁾ приведено слово *струбци(ы)на* с пометой «техническое» в ином значении, а именно: «тиски, зажим с винтом». В «Словаре русского языка» в четырех томах⁶⁾ приведено слово *струбци́на* — «приспособление в виде скобы для

закрепления обрабатываемых деталей». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля⁷⁾ указывается следующее значение слова *струбцы́нка*: «деревянные столярные тиски». По нашим наблюдениям, это слово известно также говорам Бабаевского и Никольского районов Вологодской области.

Кúглина — льняное семя: *кúглинато* быва́ют фс'а́кайа.

В архангельских говорах, по свидетельству А. Подвысоцкого⁸⁾, отмечено слово *кúглина* — «кора семянных головок льна», в олонецких⁹⁾ — «колос конопля».

2. Вторую семантическую группу составляет *бытовая лексика*, т. е. лексика, связанная с избуей, предметами домашнего обихода, лексика одежды, обуви, пищи и т. д. Охарактеризуем некоторые слова.

З'имóфка — маленькая избушка, в которой живут зимой: з'имóйто мы *вз'имóфк'э* ноц'у́йм.

Д. Н. Ушаков¹⁰⁾ приводит слово *зимóфка* — «зимнее помещение» с пометой «областное». В. И. Даль¹¹⁾ указывает, что слово *зимóфка* распространено в ярославских говорах в значении «скотная и в то время жилая изба на задах, на дворе». И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка»¹²⁾ указывает, что в древнерусском языке употреблялось слово *зимовище* в значении «зимнее жилье». Слово *зимóфка* в значении «помещение, где живут люди весной и летом» известно ряду вологодских говоров¹³⁾.

Пóдволока — чердак: на́лажу напóдволо́к'э.

Д. Н. Ушаков¹⁴⁾ приводит слово *пóдволока* — «чердак под крышей» с пометой «областное». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля¹⁵⁾ указывается ряд значений слова *пóдволока*, в том числе и зафиксированное в нашем говоре. Слово *пóдволока* в значении «чердак под крышей» известно архангельским говорам¹⁶⁾, а в значении «потолок в избе», «пространство между потолком и крышей для сена и соломы» — олонецким говорам¹⁷⁾.

Хорóмы — хорошая, добротная изба: заходи́т'э фхорóмыто.

Д. Н. Ушаков¹⁸⁾ приводит слово *хорóмы* в значении «жилая деревянная постройка» с пометой «областное». В. И. Даль¹⁹⁾ отмечает, что слово *хорóмы* употребляется в говорах в значении «жилые деревянные строения». То же значение, что и в нашем говоре, а именно: «большой, просторный, хорошо устроенный дом со всеми постройками» имеет слово

хорóмы, по наблюдениям Н. М. Васнецова²⁰⁾, в вятских говорах. В архангельских говорах, по данным Подвысоцкого²¹⁾, слово *хорóмы* имеет более узкое значение, а именно: «крыша на крестьянском доме». Со значениями «крыша», «помещение, дом» упомянутое слово бытует в олонецких говорах²²⁾. Слово *хорóмы* является древним, оно употреблялось, как известно, в древнерусском языке в значении «дом, строение»²³⁾.

Зы́пка — большая колыбель, в которой спят маленькие дети; *зы́пка* здис' бы́ла.

В словаре В. И. Даля²⁴⁾ слово *зы́бка* приводится со значением: «колыбель, люлька, качалка». В значении «колыбель» слово *зы́бка* распространено повсеместно в архангельских²⁵⁾, олонецких²⁶⁾ и вятских²⁷⁾ говорах.

Ша́н'га — оладья: ма́ткато накорми́ла *ша́н'гам*.

Д. Н. Ушаков²⁸⁾ приводит с пометой «областное» следующие значения этого слова: «лепешка со слоем масла или сметаны», «ватрушка». Слово *ша́ньга* находим и у В. И. Даля²⁹⁾ с указанием на территорию его распространения в значениях: «род ватрушки, сочня или лепешки». Слово отмечено в северных, восточных, сибирских говорах. В новгородских говорах, по свидетельству В. И. Даля³⁰⁾, слово *ша́ньга* имеет значения: «пресные оладьи, блинки», в казанских — «сушеные лепешки», в вологодских, архангельских, пермских, сибирских — «квашеный хлебец, облитый маслом, сметаной», «ватрушка с кашей, картофелем, творогом». А. Подвысоцкий³¹⁾ указывает, что в архангельских говорах слово *ша́ньга* употребляется со значением: «ватрушка с рыбой, сыром, сметаной, варением», «продолговатой формы хлеб». Со значением «ватрушка» это слово известно также олонецким³²⁾ и вятским³³⁾ говорам.

К разряду бытовой лексики относятся также слова: *отóпки* — рваная, изношенная обувь; *вехо́ть* — рваное полотенце, тряпка для вытирания рук; *зала́вок* — нижняя полка для посуды в шкафу; *наблúдник* — полка для посуды и др.

3. Названия предметов растительного мира.

Обáбок — подберезовик: *обáпкито* уш расту́т вон роб'áты скол' набрál'и.

Д. Н. Ушаков³⁴⁾ пишет: *обáбок* (обл.) — «гриб-подберезовик. В олонецких³⁵⁾, архангельских³⁶⁾ говорах слово *обáбок* значит «гриб-масленик».

Жаровли́ка — клюква: *жаровли́като* ушфс'á згни́ла.

В. И. Даль³⁷⁾ приводит следующие формы слова: *журавліна* — архангельское, *жаравіха* — костромское, *жаравіка* — новгородское. В указанных говорах это слово значит «клюква». А. Подвысоцкий³⁸⁾ отмечает, что слово *жаравіца*, *жаровіна* в значении «клюква» употребляется в архангельских говорах. Г. Куликовский³⁹⁾ находит формы *жаравіна*, *жаровіц* (ча) в олонечких говорах.

Галánка — брjúквa: *галánкато* уш бол'шáйa. Данное слово мы обнаружили лишь в «Словаре областного олонечкого наречия»⁴⁰⁾ в значении «брjúквa».

Голубíха — голубица: *голубíхито* унас н'эту. Во всех просмотренных нами областных словарях это слово приводится с иными суффиксами. Так, в «Словаре областного архангельского наречия»⁴¹⁾ отмечена форма *голубéль*, а в «Словаре областного олонечкого наречия»⁴²⁾ — формы: «*голубíна*, *голубíца*, *голубíка*».

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Многочисленные диалектные существительные могут быть объединены в несколько семантических групп.

2. Многие диалектные существительные из числа охарактеризованных широко распространены на территории Вологодской области. Таковы, например, слова: *шáньга*, *голубíха*, *обáбок* и др.; в большинстве вологодских говоров они имеют то же значение, что и в нашем говоре. Лексическое сходство вологодских говоров свидетельствует о их значительном единстве, обусловленном историей их развития.

3. Сравнение именной лексики изучаемого говора с лексикой других севернорусских говоров, в частности, архангельских и олонечких (с помощью областных словарей) обнаруживает их значительное сходство.

4. Некоторые диалектные существительные известны русскому языку с глубокой древности. Таковы, например, слова: *зимóвка*, *хорóмы*, *вéхоть* и др.

Примечания:

1) В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка I—IV, СПб, 1880—1882, М., 1955, I, стр. 242.

2) А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб, 1885, стр. 22.

3) Г. Куликовский. Словарь областного олонечкого наречия СПб, 1898, стр. 12.

- 4) Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря русского говора. Вятка, 1907, стр. 36.
- 6) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь современного русского языка, I—IV, М., 1935—1940, IV, стр. 565.
- 6) Словарь русского языка, I—IV, М., Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1957—1961, IV, стр. 399.
- 7) В. И. Даль. Толковый словарь, IV, стр. 343.
- 8) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 77.
- 9) Г. Куликовский. Словарь, стр. 44.
- 10) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь, I, стр. 1100.
- 11) В. И. Даль. Толковый словарь, I, стр. 683.
- 12) И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. I—III, СПб, 1892—1912, М., 1958, I, стр. 979.
- 13) См., например, «Диалектологический сборник» под редакцией А. С. Ягодинского, вып. I, II, III, Вологда, 1941, 1942, 1945, вып. II, стр. 41.
- 14) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь, III, стр. 372.
- 15) В. И. Даль. Толковый словарь, III, стр. 165.
- 16) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 125.
- 17) Г. Куликовский. Словарь, стр. 84.
- 18) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь, IV, стр. 1178.
- 19) В. И. Даль. Толковый словарь, IV, стр. 561.
- 20) Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря. стр. 336.
- 21) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 184.
- 22) Г. Куликовский. Словарь, стр. 129.
- 23) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, III, стр. 1387.
- 24) В. И. Даль. Толковый словарь, I, стр. 697.
- 25) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 57.
- 26) Г. Куликовский. Словарь, стр. 30.
- 27) Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря. стр. 91.
- 28) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь, IV, стр. 1317.
- 29) В. И. Даль. Толковый словарь, IV, стр. 621.
- 30) Там же.
- 31) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 91.
- 32) Г. Куликовский. Словарь, стр. 39.
- 33) Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря. стр. 348.
- 34) Д. Н. Ушаков. Толковый словарь, II, стр. 610.
- 35) Г. Куликовский. Словарь, стр. 14.
- 36) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 104.
- 37) В. И. Даль. Толковый словарь, I, стр. 526.
- 38) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 43.
- 39) Г. Куликовский. Словарь, стр. 22.
- 40) Там же, стр. 14.
- 41) А. Подвысоцкий. Словарь, стр. 33.
- 42) Г. Куликовский. Словарь, стр. 16.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Новоселова. Народные свадебные песни Омской области	4
Ю. Рудь. Песни Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (По материалам Омской области)	13
Л. Гриднева. Сюжеты преданий о Ермаке	20
А. Васильев. Эпическая обработка предания о Дивин-озере	23
Л. Девятовская. М. Б. Едемский — фольклорист	33
Г. Комарова. Свадьба в Кокшенге в записи М. Б. Едемского	38
И. Смирнова. Отголоски календарной обрядовой поэзии в Тарногском районе Вологодской области	43
Г. Берсенева. Лирические песни Тарногского района	49
Л. Сипина. Современная тарногская частушка	52
Т. Сахарова. Сказочник Тарногского района А. И. Едемский	57
А. Вячеславова, Т. Силюнская. Из наблюдений над бытованием малых фольклорных жанров в Тарногском районе Вологодской области	60
Л. Масютина. Названия лекарственных трав. (К изучению лексики народной медицины)	62
Т. Тараторина. Архаическая лексика говора деревни Лесютино Нюксенского района Вологодской области	68
Л. Конькина. Бытовая лексика белозерских говоров. (Названия одежды)	74
Ч. Плеханова. Бытовая лексика деревни Бархатово Кирилловского района Вологодской области	79
Т. Кругликова. Специфическая часть лексической системы архаического говора с. Ачит Красносуфимского района Свердловской области	85
Т. Басникова. Диалектные имена существительные в говоре деревни Малая Горка Нюксенского района Вологодской области	90